

18+

Сергей Мориц

Канцелярская резинка

Сергей Мориц

Канцелярская резинка

«Издательские решения»

Мориц С.

Канцелярская резинка / С. Мориц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512081-6

Платон слишком скрупулёзен в собственных отношениях с миром. Минимум доверия и ни капли сожаления к окружающим. Будучи неоднократно обманутым и брошенным, он ищет спасения в замкнутом образе жизни, до того самого дня, когда он встретил загадочного старика. Старец попросил помощи. Ответив на этот призыв, герой оказывается втянут в целую вереницу непредсказуемых событий, вероломных недоразумений и каверзных исходов, все глубже погружаясь в тайны собственного прошлого.

ISBN 978-5-00-512081-6

© Мориц С.
© Издательские решения

Канцелярская резинка

Сергей Мориц

© Сергей Мориц, 2020

ISBN 978-5-0051-2081-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта нелепая выдуманная история, пестрит сюжетной абсурдностью и порой, откровенно неправдоподобными фактами. Но хватит ли у вас терпеливой наглости, утверждать абсолютную невероятность ниже описанных событий...

«Предвкушение грядущего, иногда намного восхитительней самого предстоящего.»

Глава 1

Дешёвый трюк

Между пальцами моей правой руки, была запутанна самая обычная канцелярская резинка зеленого цвета. Я перебирал и закручивал её все больше и больше. До тех самых пор, пока она не лопнула вовсе. Пришлось отвлечься от весьма занудного кино просмотра, чтобы взять себе новую потеху для ладони. В этот раз, мне попала красная.

Замерзший осенний вечер, предвещал быть спокойным. За стойкой не было ни души, кроме загадочно угрюмого старика, забившегося в самый темный угол бара. Периодически заказывая дешёвый брэнди, он несчастного взгляда не сводил со столика, за которым пьяная несовершеннолетняя особа, женского пола, подвергалась непрерывным и довольно откровенным домоганиям, трех взрослых парней. Спустя всего лишь час с небольшим, он до дна осушил бутылку и уверенно заказал у меня ещё. Отказывать я не стал. Он был ещё вполне трезв. Ну по крайней мере таковым казался. Я налил двойную порцию, изрядно разбавив её льдом и поставив перед ним стакан, снова вернулся коротать время, за просмотром какого-то глупого вестерна, где герои умирают чаще, чем бьется их сумарный пульс.

Я не помнил откуда он появился, и как сделал свой первый заказ. Но все последующие события, мне забыть не удастся уже никогда. Официантку я отпустил ещё час назад, когда заведение опустело, а все завсегдатаи и проходимцы разбрелись восвояси.

– Бармен, можно тебя? – наконец заговорил ко мне тихим голосом пожилой гость.

– Слушаю, – я подошёл и облокотился о стойку, немного склонившись вперёд.

– Как твоё имя? – спросил он глядя в свой вновь опустевший стакан, в котором лишь таяли остатки янтарного цвета льда. Его голос был явно подавлен и встревожен. Это было заметно не только в интонации, но и в количестве выпитого алкоголя, который вовсе не пьянил дедулю. Смятение овладело ним и нейтрализовало действие спиртного.

– Платон. Чем я могу вам помочь? – отзывчиво произнёс я. Мне было жаль беднягу. Не знаю чем это вызвано, обычно мне плевать на окружающих, чем бы те не убивались, я не из тех кто искренне протянет руку помощи, и никогда таким не был. Но этот был другим. Ему хотелось помочь, как иногда хочется приютить бездомного облезлого щенка, скулящего тебе вслед, в холодный дождливый вечер. И почему я только не поступил, как обычно делаю в таких случаях? Лишь сильно ускорю шаг, не поддаваясь собственному милосердию.

Он молчал некоторое время, а я терпеливо ждал. Он все не мог справиться с мыслями, вытирая пот со лба, хотя в помещении было отнюдь не жарко. Даже скорей прохладно.

– Посмотри вон за тот столик, – кивнул он в сторону парней, которые уже почти раздели девочку, то задирая ей короткую юбку то стягивая тонкую кофточку. Я обернулся на них и без его жеста зная, какой именно столик привлёк его озабоченное внимание, учитывая что кроме них и моего немощного собеседника, в забытом хозяином преисподни заведении, остался только похрапывающий за бокалом пива усач, который наверное проглотил колеса от своей машины, и поэтому у него такое необъятное брюхо, домой он не едет по той же самой причине, поэтому и уснул прямо в тарелке жирных жареных чипсов.

– Вас смущает их поведение. Понимаю, но ничего с этим поделать не могу. Они ведь не в церкви. Это бар, и сейчас уже половина первого ночи. Вам придётся смириться с этим, если хотите здесь остаться. Но есть ещё два варианта: можете пересесть к ним спиной, либо вызвать полицию, может повезёт и их заберут на несколько суток за растление малолетней, в чем я лично очень сомневаюсь, – изъяснился я вежливо и учтиво, хотя и слегка саркастично.

– Полиция здесь не поможет. Налей ка мне ещё, – обреченно утверждал он.

– Понимаю вас это огорчает, – продолжал я уже с бутылкой в руке, – это мерзко и отвратительно, но вам не под силу изменить мир, который отныне погряз в похоти и сексе, и отчасти, стал похож на затяжной, нелепый порнофильм. Ваше время прошло.

– Налей и себе Платон. Составь мне компанию, – он поднял на меня страдальческий взгляд и я просто не смог отказать. Хотя если честно – то и не собирался. Вечер и впрямь выдался унылым.

– И правда, почему бы вам не пересесть вон туда, если вас так это угнетает, перестаньте себя изводить. Оно того не стоит. К тому же они могут заметить излишнее внимание с вашей стороны. А мне здесь проблемы ни к чему, – уговаривал я старика, потягивая скотч мелкими глотками.

– Я не могу.

– Почему же? Неужели вы все же хотите вмешаться? Если так, то я пожалуй заблаговременно вызову полицию, не хочу смотреть как они вас избивают и калечат.

– Она моя внучка, – выдавил он едва не заплакав. Я слегка поперхнулся, выплюнув лёд обратно в стакан.

– Эта девушка?! И что же вы собираетесь делать? – спросил я отбросив все шуточки в сторону, – надеюсь вы безоружны?

– Без. Если ты имеешь в виду огнестрельное, – хладнокровно ответил дедуля.

– То есть оружие у вас все же имеется?

– Ну если это можно так называть, – он опустил руку в карман, отчего у меня по спине пробежала дрожь опускаясь все ниже и ниже. А может это уже не дрожь... и вот наконец, когда у меня уже задержался левый глаз, он положил на стойку маленький пакетик с неизвестным содержимым и протянул его мне.

– Спрячьте. Лучше давайте ещё выпьем, а то чего то мне не нравится ваше настроение. Да и мне не помешает, – я налил ему совсем немного, а свой стакан наполнил больше чем наполовину тут же опрокинув залпом, – что это вы мне подсунули?

– Это яд, – сквозь зубы процедил он.

– Вы это серьёзно? Хотите их отравить? Да бросьте! – моя реакция была немного странной, хотя мне понравилась его идея, о чем я разумеется виду не подал.

– Хочу. Очень хочу. Но мне вряд ли это удастся проверить без твоей помощи, – он вновь посмотрел на меня как старый бездомный пёс, лежащий на обочине, сбитый машиной.

– Нет. Заканчивайте с этим. Иначе мне и впрямь придётся позвонить в полицию.

– Ты не понимаешь. Это моя внучка. Но она мне как дочь. Я растил её с пяти лет. Так уж вышло, родителей она потеряла. Кроме меня у неё никого нет. И позаботится о ней некому. Никто кроме меня не покончит с этим! Другого выхода нет. Они же подонки! – я видел с какой ненавистью он на них смотрит, и понял, что старик вовсе не шутить сюда пришёл.

– Но их же можно привлечь к ответственности. Припугнуть. Или покалечить наконец. Зачем же так все усложнять? Нельзя обойтись без кардинальных мер?

– Эти три наркомана должны сдохнуть. Иначе они от неё не отстанут. Я устал забирать её из грязных притонов и борделей, в которых они накачивают мою бедную девочку всякой дрянью и подкладываться под кого попало, – у него задрожал голос, – это единственный выход поверь мне. Все остальное не сработает. У тебя есть два варианта, Платон. Если они выйдут отсюда живыми – то я нет. Понимаешь о чем я?

– Эй ну вы чего! – я схватил пакетик со стойки, надеясь что дедуля просто перепил, – я не дам вам этого сделать. Вы просто перебрали. Резинка на руке снова порвалась. Пришлось заменить на желтую.

– Ты думаешь я отдал бы это тебе не будь у меня запасного? – старик спокойно достал ещё одну порцию отравы и демонстративно положил обратно в карман, – одна у тебя, другая у меня. Если не хочешь, чтоб я воспользовался своей, отправь этих тварей на тот свет, поверь мне они этого заслуживают как никто другой.

– Вы совсем из ума выжили, – прошипел я со злостью, – не стану я никого убивать. Я их даже не знаю. Они ничего мне не сделали, – у меня цепенел голос, от сказанного.

– Тебе мало того, что ты видишь? Они же её погубят. И в глубине души, ты знаешь, что я прав. И что выхода другого нет. А у неё ещё вся жизнь впереди, если только их не стало бы. Я бы её вылечил, выходил. Надеюсь ничего серьезного она ещё подхватить не успела. Но на это я больше смотреть не могу. Если ты не поможешь, мне больше нечего делать в этом прогнившем мире мерзавцев и лицемеров.

– Нет, ну все. Я звоню в полицию!

– Они не успеют, – остановил меня старик мелькая своей дозой перед глазами, я уже буду мертв, к их появлению. А тебе придётся объясняться. К тому же на твоей совести будут две загубленные жизни, – он посмотрел на неё с таким трепетом и отцовской любовью, что у меня задрожала рука и я бросил трубку, – а они то свои никчемные жизни уже и так давно загубили. Проклятые наркоманы! Она не должна погибнуть.

– Вы же понимаете как это называется? Это шантаж, – ответил я сам на свой вопрос. Вы пытаетесь загнать меня в угол, и не оставить выбора. Но у вас ничего не выйдет. Это уловка, – пытался перечить я, нервно перебирая пальцами сплетенную резиновую паутину.

– Может и не выйдет. Называй это как хочешь. Врать не буду, я все это спланировал. Яд подействует быстро и безболезненно. Но живой я уйду, только вместе с внучкой.

– Так может поговорите с ней. Может она захочет с вами уйти, – все пытался отговорить его я.

– Думаешь не пытался? Слышать меня не хочет. Они ей голову заморочили своими таблетками и прочей дрянью. Говорит что любит его. Вон того выродка, с татуировкой на роже. Как там его Ганс? Шманс? Не вспомню уже. Да и не важно это. Он её не отпустит уже. Я парня одного просил потолковать с ним как следует. Ему нравится моя внучка, ухаживал за ней одно время, да только вот она не отвечала ему. Ну тот и отступил, как полагается настоящему мужчине.

– Так потолковал то? – перебил я угрюмого деда на полуслове, с нетерпением вцепиться за последний возможный вариант.

– Потолковал. Поймали они с друзьями торчка этого. Разъяснили все как следует, чтоб не подходил к Леночке больше...

– И все? Это называется потолковали? – снова не дал я закончить.

– Да дослушай же ты! После все сказанное закрепили крепкими побоями и тумаками. Выяснили где она и привели домой, – он запнулся на мгновение, с тяжестью продолжив, – полуживую. Почти двое суток проспала. Стонала постоянно. Бредила вся в поту. Я глаз не сомкнул. Думал, уж в этот раз никуда не отпущу.

– Зачем же отпустили?

– Не отпустил. Сбежала! Обрато к этому негодяю и дружкам его гнилым.

– И это вы называете припугнуть? Да с такой то мразью, необходимы меры посерьезней и пожестче. Я знаю нескольких ребят, они сделают с ним такое, что взбучка вашего этого кавалера, покажется ему легкой потасовкой на детской площадке с третьеклассниками. Они настоящие маньяки. Изувечат его настолько, что может и память потеряет. Ко мне захаживает тут один. Чечен. В пошлом году выколол глаз парню вилкой, а потом посолил и полил лимонным соком роговицу. Такой визг стоял, что сирену скорой помощи никто и не услышал, – я придумал эту историю, видел нечто подобное в каком – то фильме, но про маньяков я не соврал. О нескольких постоянных клиентах и впрямь ходили жутко кровавые истории, свидетелем которых, мне к счастью представится не довелось.

– Не нужны мне эти маньяки. Связываться с одними недоносками, чтобы избавиться от других. Нет уж, – упрямо твердил старик.

Тем временем за злополучным столиком происходила настоящая вакханалия. Прыщавый отморозок, грязными ручонками шарил под юбкой у Леночки. Другой, что с татуировкой, засунул свой язык так глубоко ей в рот, что казалось, делает ей эндоскопию. Походило на сцену из фильма ужасов, о какой то инопланетной расе пришельцев вроде «чужого». Третий только вернулся из уборной. Там очевидно израсходовал несколько кубиков какого – нибудь зелья, прямо себе в вену. Он сел запрокинув голову назад, по лицу обильно стекали капельки пота. Закатив расширенные зрачки, мерзавец широко улыбался наблюдая за происходящим. Жирные волосы неравномерно покрывали его череп, отсутствуя целыми пучками. Его голова была похожа на лунную поверхность, только вместо огромных краторов, блестели уродливые залысины. Возможно он был серьезно болен. Улыбка мрачнела черными гнилыми зубами, половину которых, тоже можно было не досчитаться.

Страшная картина проникла в мое сознание, и заставила содрогнуться. Я представить себя не мог на месте старого бедняги, что молча наблюдает за постепенной гибелью единственной внучки, упиваясь на बारे. Вся соль данной ситуации заключалась в том, что теперь я мог положить конец его страданиям. Мог. Но какой ценой. Ведь так же я мог и оказаться соучастником тройного убийства. Да и пускай, что они и так уже давно не жильцы, а ходячие трупы. Они и впрямь походили на жутких мертвецов, которых лучше безболезненно умертвить и избавиться от подобного существования.

Я выпил ещё один стакан и похлопал себя по груди, в поисках пачки сигарет. Дедуля замолчал, ожидая моего вердикта. Ведь это было именно так. Он возложил на меня ответственные полномочия судьи, который сейчас должен вынести приговор, а после, сам же привести его в исполнение. Я пытался прийти в себя. Я гнал эту мысль прочь, но она уже крепко засела у меня в голове. «Виновны», думал про себя я. Да что там, я был в этом твёрдо уверен. Но кто я такой, чтобы назначить меру наказания в виде смертной казни. С другой же стороны: кто если не я? Мне же это ничего не стоит. Даже не придётся «вздернуть веревку». Просто налить им выпить. Сделать свою работу. К тому же подобный опыт у меня уже имелся. Я многократно подшучивал подобным образом над своими коллегами и начальством. Кому-то подсыпал слабительного, другим виагру. Иногда и вредным гостям перепадало. Однажды даже управляющему всыпал в кофе клофелин, когда он попытался уволить официантку за незначительное опоздание. Бедняга целый день проспал в подсобке. Так и не понял что с ним случилось, когда все хором сказали как он упал в обморок посреди огромного зала. Но сейчас все было немного иначе. Сейчас, может быть вовсе не смешно.

– А как же быть с вашей внучкой? – наконец заговорил я.

– Она ничего не узнает, – спокойно заверял меня старик, – она просто уснёт, а проснётся уже дома. И все забудет, как кошмарный сон. Я уж об этом позабочусь.

– Что ж, снотворным вы тоже обзавелись, но остаётся главная проблема.

– Трупы я увезу, и ты больше никогда их не увидишь, – перебил он меня словно читая мысли, – и меня ты тоже больше никогда не увидишь. На память обо мне у тебя останется лишь конверт, с двумя тысячами. Может этого и не достаточно для заказного убийства. Прости но больше у меня нет, – с этими словами он положил бумажный конверт на стойку и неохотно придвинул его ко мне, – все что я прошу, это помочь мне вынести тела к машине, остальное: не твоя забота.

Подобного я не чувствовал никогда до этого. Страх, власть над чужой жизнью, и чужой судьбой, переполняли меня и жгли изнутри мгновенно растущей раковой опухолью, от которой неотложно нужно было избавиться.

– Три трупа вместо одного? Что ж... Если я и соглашусь, то не из-за денег старик. Просто не хочу чтоб ты здесь окочурился. Жаль мне тебя и я помогу. Но если ко мне придут, я не стану тебя покрывать. Ты же это понимаешь. Я все взвалю на тебя, а сам останусь в стороне, – диктуя свои условия, я сам не верил в то, на что согласился. Я пытался быть хладнокровным, но удавалось мне это с трудом. Я вынужден сделать твое фото. Для полиции. Если понадобится.

– Ты вправе так говорить и поступать. Со своей же стороны, обещаю что не выдам тебя в случае чего, у тебя нет причин верить мне на слово, но ты должен понимать на сколько я ценю то, на что ты идёшь ради меня и моей внучки. Я готов принять всю вину на себя, и я сделаю это без колебаний. Ради её будущего я готов пойти на все, – он говорил твёрдо и размеренно, вызывая доверие. Я всю жизнь был один, взяв себе за правило не доверять никому, ни при каких обстоятельствах. Но похоже что только что я это правило нарушил.

Несколько кадров угрюмого старика, навсегда остались в памяти моего телефона.

Я тяжело выдохнул.

– Тогда давай своё снадобье для дочурки.

– Вот, – он протянул мне ещё один пакетик с розовой таблеткой, – только прежде расскажи мне как ты это собираешься проверить?

– Элементарно. Внучка ваша пьёт джин с тоником, остальные – пиво. Я не перепутаю.

– Смотри уж не напутай, – грозющим тоном приказал мне старик. Я промолчал, – а этого пакетика им должно хватить на троих.

– Должно? Ты что примерно подсчитал? Ты же сказал, что все продумал? А если кто – то один окажется покрепче и выживет? У них же наверняка выработался иммунитет к различным порошкам вроде этого, – занервничал вдруг я.

– Успокойся. Не дергайся. Сдохнут все втроём в один миг. Яд очень сильный. Они даже не успеют понять что умирают, – изложил мне старый душегуб.

Дальше становилось только хуже. Спокойствия во мне совсем не осталось и в ожидании заказа, я сновал из одного угла бара в другой, без остановки.

Выпивка не помогала, а сигареты заканчивались так быстро, что я не заметил как открыл вторую пачку.

– Почему же так долго? – накручивал себя я.

– Только семь минут прошло, – старик сидел как глухонемой. Спокойней чем покойник, ожидающим эксгумации, – ты лучше пойдёшь закрой парадную дверь, куда не забрёл кто ещё.

Для храбрости я выпил ещё и водки, выкурил пять или шесть сигарет, снова водки, и два раза умылся. А время будто остановилось. Ведь я уложился в рекордных семнадцать с половиной минут.

Чтобы не вызвать подозрений, мне пришлось взять с собой пустой мусорный пакет, и отправиться на свежий воздух, минув столы своих потенциальных жертв стороной.

Ночная тишина была невыносимой. Под её покровом было скрыто все порочное, алчное и злое. Сейчас она была на моей стороне, но я не был этому рад. Выйдя за дверь, мне больше всего хотелось очутиться в суетливом шумном месте, среди толпы прохожих, и десятков машин. Где я бы почувствовал себя в полной безопасности. Холодный воздух отрезвлял,

и бросая пустой пакет в мусорный бак, что в переулке у чёрного входа, я вдруг понял, что могу просто уйти и растворится. Прямо сейчас отправиться восвояси, не подоряжаясь на особо тяжкое преступление. И не важно, что уже не уснуть. Завтра придётся вернуться. И тогда, если дедуля не шутит, а настроен он и впрямь твёрдо, его остывший труп станет моим первым посетителем. Либо через несколько часов, раздастся телефонный звонок, и мне придётся ехать на опознание, если его обнаружат раньше. Но не это останавливало меня больше всего. Я увидел припаркованный в переулке фургон. Это точно стариковский. И мне стало жаль подводить его. Он готовился. Набрался смелости. Все спланировал... и в конце концов, взвалил это все на мои плечи.

Дверь изнутри я закрывал тихо. Никто этого не должен был услышать. Ключи беззвучно опустились на дно кармана моих штанов. Заведение закрыто.

Я видел, что бокалы наркоманов, почти пустые, за исключением одного, что с татуировкой. Он все не мог вынуть свой язык изо рта девушки, поэтому к пиву почти не притронулся. По той же причине её посуда тоже была наполовину полной.

– Ну они что там склеились что ль? – не выдержал я, тот час же поймав на себе осуждающий взгляд старика, вернувшись в его компанию, так и не решившись уйти, о чем сразу же пожалел.

– Выбирай выражения, она все же внучка мне! – недовольно буркнул, указав на свой пустой стакан, – хватит уже пить в одиночестве, может наконец и мне обновишь?

– Старик, твой план вот-вот провалится. Они должны заказать одновременно, иначе я умою руки. Как меня вообще угораздило? – рассуждал я, подливая ему бренди.

– Не паникуй. Нужно что – нибудь придумать.

– Например, подойти и случайно опрокинуть их напитки? Я уже думал над этим – дурацкая затея.

– Почему дурацкая? Затем извинишься и предложишь им всем выпить за счёт заведения.

– Да да да. Все это неплохо придумано, но не могу я к ним подойти.

– Почему?

– Не могу и все тут!

– Но объясни?!

– Боюсь взглянуть им в глаза, перед тем как отравить, – оправдывался я, – и заговорить с ними. Сейчас они для меня никто, лишь кучка законченных наркоманов. Но после разговора и зрительного контакта, все может измениться. Боюсь, что буду слышать их голоса по ночам. Понимаешь?

– Понимаю, но возможно, что после зрительного контакта, как ты выразился, ты захочешь убить их ещё сильнее.

– Не уговаривай, меня и так вот – вот стошнит от волнения. Хочешь чтоб я сделал это прямо на их столик? Может быть сам подойдёшь?

– Это может плохо закончиться.

– Почему? Наоборот. Устроишь скандал с ними и вывернешь на них бокалы. А я уже с полными буду поджидать.

– Не выйдет я тебе говорю. Она сразу же захочет уйти. И так вечно твердит что я её преследую, – огорчённо произнёс дедуля.

Вдруг, прервав нашу скандальную дискуссию, девушка неожиданно встала и удалилась в уборную, поправляя юбку и застёгивая кофточку на ходу. Парень с татуировкой, сначала было увязался за ней, но она неловко ускользнула от него с улыбкой и дежурным поцелуем.

Он довольный вернулся к друзьям, которые вдруг решили за что – то выпить. Нам было не расслышать, но они громко чокнулись и плотно налегли на хмельное. Через минуту стакан этого Ганса или кем бы его там не величали, был пуст.

– Эй бармен! – выкрикнул он не оборачиваясь, – повтори ка нам ещё!

В ответ я принялся молча наполнять три больших бокала. От волнения сильно дрожали руки. Нужно было все успеть до возвращения внучки престарелого серийного убийцы негодяев, который напряжённо следил за каждым моим движением.

Совсем не кстати, вдруг подал признаки жизни ещё один пассивный наблюдатель зарождающейся расправы над «нечистью». Толстяк зашевелился и забубнил прямо в тарелку с твёрдыми чипсами, которые густо впивались в его красные раздутые щеки, оставляя на них жирные, красные рубцы. Он появился ещё засветло, когда в баре ещё работала официантка. И уже тогда не мог связать и двух слов, заказывая у меня красный эль. Помню она жаловалась на жуткую вонь. Говорила о едком запахе серы, смешанном с перегаром и вонью изо рта, когда обслуживала его столик. Толстяк повозился ещё секунду и продолжил мирно храпеть в тарелку.

За всю свою жизнь, я не помню чтоб меня так лихорадило. Судорожными движениям мне все же удалось открыть вакуумный пакетик. Немного ядовитого порошка всыпалось на пол. Я услышал как старик выругался, но даже не обернулся на него.

– Криворукий слюняй! Распродели все равномерно – на три стакана. И осторожней там, не рассыпь.

– Может заткнешься? – в пол тона предложил я, не выдержав, – или сам все сделаешь? А заодно и обслужишь друзей своей взбалмошной внучонки?

Он замолчал. Едва попадая в стаканы, мне все же удалось укротить паническую атаку с симптомами болезни Паркинсона, и закончить начатое. Я обильно украсил бокалы толстым слоем пены, скрывая возможные остатки химии, поймав себя на мысли о том, что вряд ли эти торчки, заметили бы обглоданную куриную ножку на дне своего стакана. Затем, я приготовил джин – тоник со снотворным, глубоко вдохнул и отправился относить заказ.

Я шёл твёрдой поступью, скрывая свои намерения, с каждым шагом приближаясь к неизбежному. К намеренному и четко спланированному убийству трёх незнакомцев.

Положив разнос с напитками посредине стола, я схватил недопитый стакан девушки и собирался поскорее убраться от них подальше.

– Стой, – схватил меня своей потной рукой наркоман с татуировкой ящерицы на физиономии, – она ещё не допила, мы заказывали только три пива.

– Там уже лёд растаял, я решил сделать новый, к тому же мы скоро закрываемся, и это все за счёт заведения, – занемев ответил я избегая его взгляда, будто эпидемии чумы или холеры. Его скользкая рука была холодной как сама смерть, а пальцы сжались так крепко, будто он уже в чем то меня заподозрил.

– А, ну тогда спасибо, – ехидным смехом поблагодарил он. Друзья тут же подхватили его задор и обнажили свои чёрные зубы ему в довесок.

Первым, что я сделал когда вернулся за бар, после того как тщательно вымыл руки – налил себе ещё стакан замороженной водки. Теперь оставалось только ждать.

– Как быстро это подействует, – спросил я ловкого манипулятора, что подрядил меня на преступление, нервно прикуривая сигарету.

– Быстро. Достаточно быстро, – тихо промолвил он, – не волнуйся. Тебе больше не о чем переживать. Ты свою часть выполнил. Остальное не твоя забота.

– Легко тебе говорить. Через некоторое время, на моих глазах должны умереть люди, от моей же руки. Не каждый день испытываешь такое.

– Главное, чтобы внучка до тех пор успела вернуться и заснуть.

– Я могу её там закрыть на некоторое время, – предложил я.

– Не вздумай, она же испугается. Кричат начнёт. Стучаться. Борова этого может разбудить, – он указал на усача, которого тоже вполне можно было счесть за труп, если бы не его противный затяжной храп.

– А что, если она увидит как они окочурятся?

– Не увидит.

– Откуда такая уверенность? – удивился я его спокойствию. В ответ он молча кивнул на дверь, ведущую в уборную, откуда в это же мгновение выходила сияющая Леночка, с подкрашенными губами и налаженной прической. Её милое юное лицо, небольшой рост и совсем невинные глаза, создавали о ней весьма положительное впечатление. Если не считать нескольких синяков на ногах выше колена, и неподобающей длинны юбку, которая вполне могла бы их скрыть, будь хоть чуточку длиннее, то её вполне можно было бы счесть за приличную девушку. Кто бы мог подумать, что такая может спутаться с грязными, обнюханнами наркоманами, притаскаться в прокуренный бар под самое утро, и позволять им подобные извращения?

Она стесняясь прошмыгнула мимо бара, подошла к столику и набросилась на недоноска с татуировкой, целуя его в посиневшую от проколов шею, так и не притронувшись к своему новому напитку.

– Черт, она его даже не заметила! – занервничал я.

– Не паникуй, – все приговаривал мне дряхлый шантажист. Подобно терпеливому хищнику, что поджидает свою жертву часами затаившись в укрытие, дедуля наблюдал за развитием событий без лишних эмоций и движений.

Они о чем то оживленно беседовали, будто находились на научном семинаре, или совете высокопоставленных чиновников, совсем позабыв о том, что они в баре, и что пора бы уже выпить наконец!

Вдруг среди прочего я услышал, как парень с татуировкой, начал хвастаться.

– Угощайся детка, я заказал для тебя новый коктейль, – вот ублюдок, подумал я побаиваясь поднять глаза.

– Спасибо но зачем? Я и предыдущий допить уже не могла. И так уже пьяна, – отказывалась девушка, а у меня снова подступала тошнота.

– Выпей, – настаивал Ганс, – я же заказал уже, веселее будет.

Она неохотно пригубила.

– Ммм. Вкусно. Этот намного вкуснее, – налегала она. Я знал, что ей понравится, так как разбавил его своим лучшим цветочным джином. На это и был расчёт.

– Дай ка мне попробовать, – вдруг отобрал у неё стакан Ганс, или как бы там его не звали, – неее. Хмельное то по лучше будет, – скривившись он запил её коктейль несколькими большими глотками темного пива. Получив свой джин-тоник обратно, она быстро справилась с ним до последней капли.

– Один готов, – зловещим тоном констатировал мой самый необычный собеседник за всю карьеру. Тут же я заметил, что отвратительный тип, с плешью на темени, откинул голову назад и больше не шевелится. Его друзья в отличии от меня, не заметили этого, видимо беспечно списав это состояние на чрезмерное воздействие наркотических веществ, и не хотели лишать мерзавца кайфа.

– О черт возьми, – вырвалось у меня, – ты уверен? Он точно сдох? Может под кайфом просто.

– Это ты в точку. Я про чертовщину. Богу то уж точно нет до него никакого дела. А про остальное – уверяю. Посмотри внимательнее, он не дышит. Грудная клетка не шевелится. Он уже отошёл. Нет сомнений. Побыстрее бы и те двое последовали за ним, – он говорил без капли сожаления, и хотя эти ребята и впрямь относились к редкостной мрази, у меня от этого пробежало немного мурашек, под кожей.

Девушку постепенно одолевал сон. Она пыталась сопротивляться, не понимая, что с ней происходит, но не долго. Её большие карие глаза постепенно мутнели, накрываясь отяжелевшими веками, густо украшенными чёрными длинными ресницами.

– Эй малышка, ты чего это удумала? Ещё не время спать. Ну ка давай просыпайся, – приказывал ей кавалер, трепая её за руку. Как вдруг подействовало! Он схватился за голову и забился в конвульсиях сползая под стол.

– Эй ты чего? Ганс что это с тобой?! – успел выкрикнуть третий, прежде чем у него потекла кровь изо рта, и настигли такие же судороги.

Ганс все ползал и качался по полу, извиваясь от боли и истекая кровью, пока его товарищ пытался застонать и позвать на помощь спящую девушку. Потеряв сознание, она сползла по мягкой спинке дивана так, что теперь её голова немного свисала с края. В предсмертной агонии, ему все уже удалось схватить девушку за волосы трясущейся рукой. Он потащил за них такой силой, что она вмиг слетела на пол сильно ударившись головой, но так и не очнувшись. Он продолжал трясти и обливать своей кровью, её неподвижное тело.

– Ах ты сволочь! – вскипел старик бросившись ей на помощь, едва не разбудив усатого борова. Я замер и тоже чудом не лишился сознания, с ужасом представляя что же будет дальше. Но все обошлось. Он немного зашевелился, лишь слегка изменив позу и захрапел дальше, казалось ещё пуще прежнего.

Старик колотил и оттаскивал умиравшего беднягу от своей внучки, а тем временем Ганс добрался до барной стойки, издавая странные звуки искаженными от боли губами. Я попытался назад, а он все тянул ко мне свою костлявую грязную руку и безмолвно кричал. Мне бы стоило отвернуться и не смотреть на его страдания, но суть всего происходящего, как раз и заключалась в том, что я никак не мог этого сделать. Я смотрел в его глаза, до тех пор, пока они не закрылись. Смотрел беспомощно, с мольбой о прощении. Ведь всю эту боль причинил ему я.

Мои пальцы оставались неподвижны до тех пор, пока он не издал последни вздох. И только потом, я вдруг заметил что на них нет никакой резинки.

Когда разум его наконец то сдался, тело ещё несколько секунд пульсировало прямо на полу под барной стойкой, у меня под ногами забрызгивая все вокруг своей кровью.

Из состояния шока, меня вывели глухие удары тупым предметом, а именно -деревянной трости, которой дедуля беспощадно добивал полумёртвого парня по голове.

Я осторожно переступил бездыханное тело, чтобы выбраться из-за стойки и остановить его. Мне казалось, он вот-вот очнётся и схватит меня за ногу. Но бедняга был мертвее мертвого.

– Хватит, – я схватил за окровавленную трость, когда он в очередной раз занёс её над головой покойника, – ты что натворил псих? Он же мертв уже. Причём минуты две назад.

– Прости, – задыхаясь извинился он. Чего то у меня накипело на этих гадов.

– Накипело? Вы посмотрите вокруг! Охренеть можно. Да тут же все нахрен залито кровью, – пытался не кричать я, – ваш чертов план, ни хера не сработал.

– Перестань ругаться, я все сейчас улажу.

– Улажу? Да вы в своём уме? Здесь нужно клининговую службу вызывать, чтобы уничтожит все улики. Хотя лучше сровнять это место с землёй. А там у нас ещё и пьяный посетитель спит. Может разбудим его? Нам то лишние руки не помешают! А потом отравим на хрен, или забьем к чертям до смерти, этой вашей кочерыжкой? Чего уж нам терять? Одним больше одним меньше.

– Остынь говорю! Лучше давай приниматься за дело, пока он и впрямь не проснулся, – сердито фыркнул он.

– Какого черта вообще произошло? Вы же говорили, что все пройдет быстро и безболезненно. Но если это было безболезненно, то я боюсь представить, что для вас боль. Они же мучились как больные раком мозга последней стадии. У них кровь текла даже из ушей. Что это было? Я чуть с ума не сошёл, – продолжал возмущаться я.

– Я не знаю что пошло не так? Этого не должно было произойти. Может они чего то наглопались перед этим, поди их разбери. Этот же спокойно отдал дьяволу душу, – он указал на того, что сконал первым.

– Он подышал прямо у меня на глазах, понимаете? Тот парень. Он смотрел на меня, не в силах произнести не слова, пока из его ноздрей кровь хлыстала! Я стоял и молча смотрел как он умирает.

– Нужно было ему помочь.

– И чем же? Добить как вы вот этого?

– Хотя бы и так. Мне наплевать на их страдания перед смертью, как им до этого было наплевать на мои. Так или иначе они получили по заслугам, а нам пора приниматься за работу. У тебя здесь есть швабра, или может тряпье какое? – говорил он так, словно занимался подобным каждый день.

– Есть конечно, вот только я боюсь этого будет не достаточно, – рассматривал я кровавый узор на полу, на стенах, и даже у меня за баром.

– Сейчас нет времени на предположения. Ты давай тащи все сюда, и захвати там какой –нибудь химии. Да поскорее, – я продолжал стоять как вкопанный.

– Вы что, каждый день людей на тот свет отправляете? Вас это все и правда совсем не волнует?

– Давай поторапливайся! На это нет времени, – повторил он, пытаясь меня растолкать, – я пока внучку в машину отнесу, потом возьмёмся за остальных, нужно поскорее их отсюда убрать, пока боров не проспался.

Оказалось, старик только выглядел немощным и слабым. Ловко обхватив девушку за талию, он одним лёгким движением взвалил её себе на плечи и поковылял к чёрному выходу без своего деревянного орудия смерти.

– Открой мне дверь. Я машину здесь поставил, – для этого нужно было вернуться за бар, где откинулся бедняга Ганс, – ну чего ты там копошишься? Думаешь мне легко вот так стоять?

– А ты думаешь мне легко соображать после пережитого? Или может тебе кажется, что меня совсем не пугает дохляк, прямо под ногами? – возразил я ему полупшепотом, – не помню куда их подевал.

На привычном месте связки с ключами не было, и тут я вспомнил, как клал их себе в карман, когда закрывал парадный вход. Ударив себя по карманам, я услышал их звон.

Старик кряхтел и матерился, пока я нервничая попадал в замочную скважину, и лихо вскочил на ступеньки, ведущие наверх к его машине.

– Неси все, что я тебе сказал, – ещё раз твёрдо настоял он, и торопливо поскакал к старенькому фургону.

Я вернулся назад и вновь сильно запаниковал. Голова закружилась будто лотерейный барабан на шарнирах и я захотел выпить.

Я обошёл бар с другой стороны, к тому месту, где сидел старик, чтобы лишний раз не смотреть на убитого мной наркомана. Отсюда можно было дотянуться к краю витрины, где стояла бутылка ирландского виски слабой выдержки. Я всегда ненавидел этот вкус, но сегодня он мне пришёлся по нраву. Мне не хватало резинки на трясущихся пальцах, но до них было не дотянуться отсюда.

В подсобке я взял все необходимое. Сгрёб с полок всю химию в ведро, схватил швабру и прихватил целый рулон тряпок, чужих лохмотьев, забытых в баре пьяными посетителями, и всего прочего, что только смог найти.

Когда я вернулся в зал, старика там ещё не было. Первым делом я принялся отмывать багровые брызги на стенах. Кровь смывалась на удивление хорошо и быстро. Если бы ещё не так сильно тряслись руки.

По истечении следующих пяти минут, я начисто отмыл стену до единого пятнышка, а старик все не появлялся. В тревоге я взялся за швабру и принялся отмывать пол, который проще было перекрасить, или покрыть новой доской, а ещё лучше сжечь здесь все дотла и на руинах построить церковь. Елозя шваброй по сторонам, я лишь размазывал лимфу, забрызгав свои

ботинки и штаны, будто находясь на поле боя после жестокого сражения варваров. Мне следовало давно уж выйти и проверить, где запропастился этот старпёр, но мне было до чертиков страшно. Страшно, не обнаружить там его фургончик. Страшно, что он уже уехал, воспользовавшись мной, он получил то, за чем приходил. Может это входило в его план? Но вопреки здравому смыслу, который все твердил мне, что меня одурачили, я отговаривал сам себя. Интуиция подсказывала, что ему нельзя верить, и что я зря нарушил свои принципы. Но я продолжал упорно растирать кровь по полу, ведь если это так: то что мне тогда оставалось? Может моего подельника все же хватил радикулит, или прочая болячка, которыми они страдают в таком возрасте. Но сомнения мои развеял звук отъезжающего фургона, барахлящий двигатель которого наверное был ещё старше водителя.

Мысль о том, что я вляпался по уши, уже давно пришла мне в голову, но когда я увидел, что столик, за которым сидел усатый толстяк пуст., меня окончательно озарило. Я крупно влип.

Остолбенева со шваброй в руках, я осмотрелся. Его нигде не было. Ну не мог же он просто встать и уйти, не заметив окружающего бесчинства и гору трупов под ногами. Или он как раз поэтому и ушёл, а точнее сбежал испугавшись, и в данный момент усердно вызывает полицию за углом с телефона автомата. «Вот проклятье. Мне нужно срочно избавиться от тел» – подумал я, и решил начать с того, которого дубасил старик. Если успеть спрятать этого, то все будет выглядеть не так уж страшно, на первый взгляд. Один якобы вздремнул перебрал. Другой не так уж бросается в глаза. Нет мне конец! Я никогда не выпутаюсь из этого! Толстяк уже сдал меня и прямо сейчас, сюда направляется весь ближайший полицейский участок.

Я не знал что мне делать, и это бездействие пугало ещё больше возможных дальнейших действий. «Нужно спрятать тела. Или лучше бежать прочь пока полиция не нагрянула? Невозможно это все устранить до их прихода. Нереально!».

– Черт! Черт! Черт! Старый черт! – истерично выкрикнул я в адрес пенсионера афериста, целиком охваченный паникой.

Я схватил одного из них за ноги и попытался тащить в направлении бара. Делать это было не сложно, по залитому кровью в перемешку с моющим средством полу, ровно до тех пор, пока я не поскользнулся.

Падая, я крепко держался за ноги покойника и потянул настолько сильно, что с него слетел один ботинок, а я приземлился на спину, взвалив убитого поверх себя. Я немедленно предпринял попытку освободиться, но ерзая по скользкому кровавому месиву, выбрался из под него не сразу. Когда я повернул голову, его пустые отрешенные глаза, были прямо напротив моих. Они все ещё выражали всю ту боль, которую испытывали перед мучительной смертью. Рот был приоткрыт, из него все ещё понемногу, лавой извергалась кровь. Будто бы её и так здесь было мало.

По-моему я разбил себе затылок при падении, но как это можно разобрать, если руки уже и так по самый локоть.

Пришлось облачиться в фартук, чтоб дотащить тело к бару. Я стал похож на мясника, который волочет свежую тушу на разделочный стол в своей лавки, что тоже соответствовала антуражем. Питейным заведением это теперь не назовёшь. Но я не унывал, и не опускал рук до тех пор, пока не дотащил восемьдесят с лишним килограммов мертвого веса до пункта назначения, держа труп всего за одну ногу. Так было проще передвигаться по скользкой поверхности.

Затащив тело за бар, я взглянул на картину в целом, и не понял на что же все таки надеялся. У меня был только один выход, и он был прямо у меня за спиной. Пришло время ним воспользоваться, пока ещё не стало поздно.

Сорвав с себя фартук и перчатки, я бросился к чёрному выходу тяжело дыша и поскользываясь на мокром полу. Остановился. Идея с пожаром вдруг показалась не такой уж и глупой. Одна спичка и несколько литров спирта, теперь могли исправить то, что я натворил,

на поводу у чужого, незнакомого мне старика, исключительно из добрых побуждений, которые были несвойственны мне доселе.

Я схватил свой телефон, что лежал на стойке, спрятал его в карман, набросил куртку и принялся за дело.

Сначала я разбил одну бутылку водки повышенной крепости прямо возле двух остывших трупов. Вторую, я прежде надпил, даже не почувствовав такого обжигающего эффекта, который чувствовал когда пил её прежде. Сильно швырнул прямо в стену перед собой, добавив к прочему еще немного хаоса. Разлил абсент, и тот бренди, что не допил подлый старикан. Я оглянулся перед тем, как сбежать. Ещё раз облюбовал кошмарное зрелище своего самого феноменально промаха в жизни, и когда зажег спичку, вдруг почувствовал неладное. Точнее я его заметил, но сперва не придал значения...

Раньше я частенько слышал фразу «череда неудач», но всегда мнил её мифической. Мне казалось такое случается только с полными кретинами и законченными болванами. И вот теперь, я ощутил себя одним из них. Удача никогда не преследовала меня повсеместно, ровно как и не отворачивалась от меня навсегда. До этого самого дня.

Я стоял в немом оцепенении, пока догорающая спичка не обожгла мне кончики пальцев, вытаращившись на закрытую дверь чёрного выхода, не веря своим глазам. Погасшая спичка упала в лужу разлитого мной спиртного, издав при этом характерный звук. Моя реакция была вызвана ничем иным, как отсутствием ключей, в замочной скважине. Анализируя все произошедшее, я пытался трезво оценить шансы на то, что дверь все таки не заперта. И понимал, что они практически равны нулю.

– Дверь заперта! Я уже вызвал полицию! – донеслось снаружи, когда я все же намерился дернуть за ручку.

– Откройте, и я вам все объясню, – безнадежно промямлил я.

– Расскажите все полицейским! Я ни за что ни открою вам дверь! – испуганно угрожал голос снаружи, очевидно принадлежавший усатому толстяку, ведь дряхлый комбинатор уже небось наслаждается обществом ненаглядной внучки.

– Поймите, я жертва обстоятельств. Настоящий преступник скрылся! – продолжал оправдываться я.

– Прекратите! Это бессмысленно! Я не выпущу вас! По вашему я глупец?! Думаете я вам поверю?

– Но это ведь правда! Выслушайте меня!

– Вам не стоит больше со мной говорить! Я не обмолвлюсь с вами и словом с этой самой минуты, – договорил он и сдержав обещание, больше не издал ни звука.

Смирившись со своим непростым положением, я присел покурить на ступеньках у запертой двери, обдумывая как мне оправдываться перед полицейскими. Но все, что я видел перед собой, не подлежит никаким оправданиям. Этого уже не исправить.

«Разве что фото? Я ведь сделал его фото!» – обрадовался я хватаясь за телефон, как за свой последний шанс. Но старик и здесь меня опередил. Среди нескольких сотен бесполезных фотографий девушек, имён которых я уж и вспомнить не мог, посиделок за картами, где играл довольно посредственно и спустил немало денег, не оказалось одной единственной, что была действительно важна. Как же он все таки проворен. И здесь меня обставил. Кем же нужно быть, чтоб спланировать подобное и подставить, совершенно невиновного человека? Обычного бармена, вполне заурядного ночного заведения.

Теперь мне точно никто не поверит. Неужели больше нет никакого способа выбраться из этого проклятого полуподвального помещения, ставшего местом моей жестокой расправы над тремя несносными наркоманами?

Парадную дверь не выбить. Однажды уже пытались. Ревнивый муж искал здесь свою неверную жену, которую я в это время выпускал через чёрный ход с пьяным в стельку любов-

ником, опасаясь за жизнь их обоих. А ведь он был здоровенным подводником. И это напрочь исключает возможность того, что мне удастся его переплюнуть в выколачивании дверей. Кованную стальную дверь чёрного входа, я вряд ли смогу снести даже находясь за рулем немецкого танка.

Нелепо, но в этот самый тяжелый момент своей жизни, я почему то подумал, что больше никогда не буду работать в баре где нет ни одного окна. Я ещё раз на всякий случай окинул взглядом кирпичные стены, которые лицезрел уже на протяжении нескольких лет, день за днём. Ни одного окна. Даже самого маленького.

«Может все же пожар?» – подумал я про себя, разглядывая гаснущий окурок у себя в руке. Оставалось его только бросить... и все вспыхнет синим пламенем, – «и я тоже вспыхну».

От самоубийства меня отделяли лишь несколько глотков спиртного, и еще одна сигарета, которую я смог бы использовать для поджога. Впрочем ещё одна выкуренная сигарета могла бы стать для меня губительней пламени пожара, ведь за последние два часа я выкурил их больше чем самый заядлый курильщик за неделю.

Я прислушался, не раздаётся ли вой приближающейся сирены. Но услышал лишь приглушённый гул в голове, от количества выпитого и ужаса пережитого.

Прихватив ещё одну бутылку, я уселся за столик прямо напротив лысеющего трупа, принявшись пить из неё без стакана. И только теперь, я увидел ещё одну большую лужу крови, прямо под его ногами. Она постепенно увеличивалась, наполняясь прямо из его засаленных штанов. Что же за дрянь я им подсыпал? Есть ли этому предел? Когда же я наконец умру от сердечного приступа? Мне становилось хуже, алкоголь просился наружу. А может быть сказался стресс.

Я едва успел добежать до уборной, как меня стошнило в ближайшей кабинке. Здесь же в продуктах собственного пищеварения, я увидел два использованных шприца, и меня стошнило ещё раз.

Сирены раздались когда я уже умывался над пожелтевшей раковиной, где плавали чьи-то длинные волосы. Я подумал что это вполне могут оказаться волосы той девушки. Внучки преступного гения и махинатора. Но скорей всего мне просто так хотелось. Ведь они могли принадлежать кому угодно. И только потом я понял почему я слышу вой сирен.

Здесь, все же было одно оконце, хоть и очень маленькое.

Времени оставалось совсем мало, нужно было действовать, и я, растерянно схватился за смеситель пытаясь его оторвать. Кран был старым и расшатанным, но все не поддавался, как на зло. Я шарпал и тянул со злостью проклиная не то старика, не то самого себя.

Во все стороны захлестала вода, как только кран оказался у меня в руке. Я разбил стекло и осторожно очистил раму от осколков.

Окно находилось высоко. На уровне среднего человеческого роста. И хотя я был выше среднего, забраться в него будет вовсе не просто. Да ещё и размеры окошка были настолько малы, что плечи едва умещались по диагонали. Я подумал что в таком состоянии, мне ни за что сквозь него не протиснуться и бросил всяческие попытки.

Не смотря на шум струящейся воды, было слышно как вошли полицейские.

– Выходите с поднятыми руками! – услышал я, насквозь промокший водой, из сломанного крана.

– Лицом в пол, и руки за спину! – приказал один из полицейских, направив на меня оружие, как только я показался с поднятыми вверх руками.

С меня капала и стекала вода, я встал на колени, приготовившись выполнить приказ, как вдруг увидел размазанную кровь.

– Не то чтобы я боялся намочиться, но испачкаться не хотелось бы, – пытался оправдать свое неповиновение я.

– Я сказал в пол! – с этими словами, он насильно уложил меня лицом прямо в кровавое пятно, и наступил коленом на шею, – руки за спину!

Я почувствовал холодную сталь на запястьях, как только сомкнул руки сзади. В этот момент у меня хрустнула ключица, от сильного давления на спину. Я изо всех сил выворачивал голову так, чтобы не прикоснуться губами к полу, опасаясь что меня снова стошнит от соленого привкуса крови.

Из приоткрытого дверного проема, трусливо выглядывала голова усатого толстяка, огромными испуганными глазами. Казалось он полностью протрезвел, когда смотрел на мое окровавленное лицо. Может я и впрямь был похож на серийного убийцу, ведь в тот момент мне больше всего хотелось его смерти. Наверное даже больше, чем смерти того старого негодяя, которого был готов задушить собственными руками, попадись он мне ещё хоть раз.

Один из полицейских, тем временем ощупывал тело первого наркомана, того что остался за столиком. Коп делал это осторожно, опираясь о спинку дивана, ведь его лакированные туфли были наверняка не для боулинга, одну из дорожек которого сейчас напоминала поверхность под его ногами.

– Он мертв, – констатировал он, вероятно из-за отсутствия пульса у жертвы. Хотя не нужно было иметь особых медицинских навыков, чтобы установить очевидное.

– Там ещё двое. Проверь, – говорил ему напарник, все ещё сильно прижимая меня коленом к полу.

– Черт возьми! Здесь что бомба взорвалась? – он осторожно добрался до стойки, за которую теперь мог уверенно держаться. Где он смог вновь, проявить талант опытного патологоанатома, и наредкость точно отличив живых от мертвых, констатировал ещё две смерти. Если бы кто –нибудь из этих парней выжил, я бы наверное принял обет молчания. Просто потому, что непременно бы потерял дар речи и онемел навеки.

– Свидетель войдите! – выкрикнул он толстяку, что испуганно наблюдал за происходящим снаружи. Тот послушно, хоть и очень неохотно переместился внутрь, соблюдая безопасную от меня дистанцию.

– Этого мужчину вы видели? – мне было не разглядеть, но уверен, они говорили обо мне. Толстяк молча кивнул, взглянув на меня как на самого дьявола, подтверждая мои догадки.

Меня наконец подняли в вертикальное положение, и я смог сделать долгожданный, полноценный вдох. Толстяк немного попятился назад, хотя мои руки были скованны за спиной, и их крепко держал тренированный страж порядка.

Но как быть если это только импульс? Как дать ему об этом понять? Окажись мы сейчас с ним наедине, я бы не причинил ему особого вреда, будучи даже вооруженным до зубов, а он в это время спал в отключке, находясь в полном одиночестве, изолирован на сотни километров, в лесном домике, где-то высоко в горах. Обернись все так, я бы не посягнул на жизнь и без того обременённого ожирением бедняги ни при каких обстоятельствах. Хотя возможно бы немного поиздевался. Попугал слегка, или разбавил бутылочное пиво собственной мочой, и не более. Ведь он не просто вызвал полицейских, но ещё и запер меня, тем самым лишив всякой возможности улизнуть.

С другой стороны – он выполнил свой гражданский долг. Хоть оказался слишком скрупулёзным в своём подходе. Как бы поступил я, очнись с похмелья, среди кровавого побоища? Скорее всего просто сбежал бы, будь у меня такая возможность. Возможно позвонил бы в органы, уже когда оказался бы далеко отсюда. А может быть струсил бы, и никому не дал знать об увиденном. Ведь тот, кто все это сотворил меня скорей всего видел, и мог бы прийти за мной.

Таким образом, поставив себя на место усатого толстяка, я выяснил, что он оказывается смельчак, хотя сейчас таким и не казался. Он боялся меня настолько, что казалось подойди я ближе, он утратит сознание в тот же миг.

– Сэр, вы задержаны по подозрению в тройном убийстве. Вы в праве хранить молчание, все что скажете.... – дальше я его не слушал, ведь знал эту фразу наизусть. В фильмах она всегда звучит сурово, и в то же время победоносно. Ведь добро восторжествовало, а зло наконец повержено. Но сейчас; она прозвучала зловеще. К горлу подступил ком ужаса. Ведь это все случилось со мной. И мне так не хватало обычной канцелярской резинки.

***

В зеркало заднего вида полицейской машины, я наблюдал как толстяк, провожает меня все тем же, испуганным взглядом.

На переднем сидении лежал протокол задержания. В строке свидетеля было имя, но я никак не мог разглядеть его, сквозь стальную решетку к которой был пристегнут наручниками. Я попытался представить как бы его могли звать. На ум не приходило ничего кроме обидного Лаврентия.

Итак, я задержан за тройное убийство, которого не совершал, а лишь стал орудием в руках талантливого седого и сморщенного манипулятора, который наверное уже разлагается ниже пояса. Теперь направляюсь в место лишения свободы, будучи схваченным на месте преступления, нелепым жирным алкоголиком, с бесформенными усами по имени Лаврентий. Слишком иронично, чтобы быть забавным. И слишком забавно чтобы походить на правду. Но мысли и надежды о том, что это лишь дурацкий сон уже покинули меня окончательно.

Машина остановилась в какой-то мрачной подворотне, возле железной двери, с маленькой решеткой на окне.

– Руки за спину, – скомандовал офицер полиции, как только я покинул салон автомобиля. Другой уже громко стучался в дверь.

В окне за решёткой, показался ещё один полицейский в форме. Он впустил нас внутрь, и все трое повели меня темными коридорами тюремного участка в полной тишине, лишь под стук своих твёрдых каблуков.

В помещении, нас ждал ещё один служитель закона. Те что меня доставили, отдали ему честь.

– Статья? – спросил он без лишних церемоний. Я услышал лишь «часть вторая» настолько быстро прозвучал номер статьи, – с особой жестокостью, – затем добавил офицер.

– Звонок? – обратился главный ко мне.

– Что простите? – едва промямлил я недоумевая.

– Право телефонного звонка. Желаете им воспользоваться?

– Пока нет, – ответил я, даже не представляя кому позвонить.

Друзей у меня не то чтоб не было совсем. Но если поразмыслить, то сейчас никто из них не бросится мне на выручку. Такой уж я человек – слишком близко к себе никого не подпускал. Родственников не осталось. Было несколько влиятельных посетителей, но сейчас я не готов был ни с кем разговаривать. Мне нужно было побыть одному. Все обдумать.

Камер с решетками было всего две. И от одного их вида, у меня потели ладони.

«Неужели я проведу в одной из таких остаток своей жизни?»

Меня завели в ту что была слева. Она была гораздо меньше, и я сразу подумал что это хорошо: «Скорее всего это одноместный номер».

Я невольно вздрогнул, когда дверь за мной громко захлопнулась. Мои запястья освободили от тяжелого, не драгоценного, а скорее наоборот украшения, от которого остались тонкие красные следы.

Я долго стоял в темноте, все не решаясь сделать ни шагу. Когда зрение немного адаптировалось к местным условиям освещения, источником которого оказалось лишь небольшое обрешетчатое оконце, под самым потолком, я разглядел ржавую двухэтажную кровать.

– Простите, – обратился я к полицейским, – у вас случайно не найдётся обычной канцелярской резинки?

– Какой резинки? – переспросил меня главный.

– Канцелярской, – вежливо уточнил я дрожащим голосом.

Он принялся копошиться в ящике служебного стола.

– Есть только такая, – он подошёл к двери моей камеры, с резинкой синего цвета в руках, соблюдая безопасную дистанцию.

– Это именно она. Это то что мне нужно, – я протянул измазанную кровью руку сквозь отверстие между решёток.

– Зачем она тебе? – недоверчиво спрашивал офицер полиции.

– Это меня успокаивает.

– Заключённым запрещено передавать посторонние предметы.

– Неужели вы считаете, что это может представлять какую-либо опасность. Что по вашему, я смогу сделать вооружившись ею? Сбежать отсюда, передавив железные прутья этой безделушкой?

– Не знаю. Возможно. А может ты хочешь покончить с собой с помощью этого?

– Я конечно немного слащаво выгляжу, но сомневаюсь, что смогу с её помощью повеситься, воспользовавшись вашим советом.

– Передавить вены.

– И как же это работает?

– Точно не знаю, но я о таком слышал, – он бросил резинку мне под ноги, – держи. Развлекайся. И это называется резинка для денег, да будет тебе известно.

– Спасибо, я постараюсь запомнить, – немного насмешливо ответил я, наклонившись к полу, – мне бы немного отмыться не помешало.

– Камеру нельзя покидать до окончательного выдвигания обвинений.

– Но я же тут все испачкаю.

В ответ я был удостоен лишь презрительным взглядом всех троих полицейских.

Темница, узником которой, я неожиданно для себя оказался, меня чертовски пугала. А ещё запах. Непередаваемая амброзия сырости и дешевого вонючего одеколona. Очевидно, что предыдущий постоялец этой отсыревшей за долгие годы камеры, совершенно не имел вкуса.

– Вот, – брякнул сзади начальник этого захудалого местечка, поставив перед решеткой железную миску с водой, – отмой хотя бы лицо. Выглядишь как настоящий психопат.

Холодная вода колола мне руки. Умывая лицо, я вдруг непроизвольно задумался о предназначении этой старой непригодной посуды, до того как мне принесли в ней воду. А ещё о том, что я мог бы схватить эту миску и затащить её в камеру, но они посчитали, что опасней будет дать мне канцелярскую резинку, которая к слову, сейчас очень помогала, тесно вплетаясь между мокрых пальцев.

Я расположился на скрипучей ржавой кровати намереваясь немного подумать над случившимся. Как вдруг из дальнего темного угла, донёсся знакомый голос, напугав меня едва ли не до смерти:

– Ну что вляпались мы с тобой, да?

– Кто здесь? – выкрикнул я схватившись на ноги. Я обернулся к источнику звука, которого не было видно, за блёклыми лучами пыли из окошка.

– Не думал что так все обернётся. Ты уж не серчай на меня, Платон, – я узнал голос, но никак не мог поверить своим ушам.

– Выйдите на свет. Я ничего не вижу, – все ещё опасаясь, что ошибся просил я.

– Боюсь встретить не совсем радушный приём с твоей стороны.

Я увидел это лицо, освещённое тусклыми лучами света и сразу узнал его. Это был старик. Обветшалый и немощный. Он смотрел на меня виновато и растерянно.

– Ах ты старый, мерзкий предатель! – я схватил его за шиворот и с силой прижал к стене. Я услышал как хрустнули его лопатки, и на секунду подумал, что мог их сломать или вывихнуть. Дед то поди уж не вчера родился. Он уже выглядит как ходячая реликвия. Если бы ударился затылком, то я лишился бы единственного человека, если можно его так называть, который знает как все было на самом деле. И возможно единственного шанса покинуть это жуткое место.

– Ты что здесь делаешь? – рявкнул я ему в лицо, перекошенное от боли, которую я ему причинил.

– То же что и ты.

– Что это значит? Почему тогда я здесь? Ты должен пойти и все им рассказать. Все до мельчайших деталей, слышишь! И про шантаж не забудь. Ты меня слышишь?!

– Слышу, слышу, – спокойно ответил он, – но только они мне не поверят.

– Что значит не поверят? Ты что несёшь старый маразматик? Ты убил тех людей! А я здесь из-за тебя, понимаешь?

– Понимаю. Поэтому я и здесь. Отпусти меня наконец! – он ещё смеет поднимать на меня тон.

– Тебя то как поймали? Криминальный ты сухофрукт. Склероз подвёл?

– Да, забыл дома свой криминальный завет, – с нескрываемым сарказмом в голосе произнёс он.

Я неохотно отпустил его, и старик медленно сполз по стене, присев на холодный грязный пол. Он выглядел жалко и несчастно. А еще мне показалось, что он сожалеет о содеянном и его мучает сильное раскаяние. Но не смотря на все его душевные терзания, я больше не намерен повторять своих ошибок. Ему меня больше не пронять.

– Ты не представляешь, что мне пришлось пережить, – мне снова захотелось его придушить.

– Представляю, поверь. Иначе как я по твоему здесь очутился? Или ты и впрямь думаешь, что они меня поймали?

– А что тогда? – с нетерпением зывал я.

– Потому что не смог я. Думал что смогу, но не смог. В теории ведь все легко. И я все сделал согласно плану. Отступить было нельзя ни на шаг. Но оказалось, что все не так просто.

– О чем ты, старик? – все недоумевал я.

– О том почему я здесь!

– И почему же? Скажи наконец!

– Да из-за тебя, болван! – крикнул он укоризненно, – потому, что не смог бы я прожить остаток своих дней, зная что вместо меня кто-то сидит в подобном месте.

– Ты о чем это? Ты сам что ли сдался? – начинал я улавливать суть.

– Дошло наконец. Я увёз внучку домой, а когда она очнулась... – он задумчиво прервался, – я посмотрел на неё и все понял. Мне нужно во всем сознаться. Ведь я точно знал, что тебя схватят. Даже если бы ты сбежал, то пришлось бы тебе скрываться неизвестно сколько. А я не желал такой жизни для тебе. Просто надеялся, что смогу забыть. Но ты оказался хорошим парнем. Ты помог мне, а я бросил тебя там одного. Да и она теперь я думаю в безопасности будет, когда этих подонков не стало. Миссию свою я выполнил. И теперь спокоен. Осталась только одна проблема, – он снова виновато опустил голову.

– И какая же?

– Осталось доказать, что во всем повинен лишь я один. А ты ничего не совершал.

– Доказать? Мы оба расскажем свои версии происходящего, когда поймут, что они полностью совпадают – меня отпустят. А ты догнивай свой остаток за решёткой, старый негодяй.

– Все это так. И даже то, что я старый, дряхлый негодяй, который испортил тебе жизнь. Ты везде прав. Но есть одна деталь, которую ты все же упускаешь. Они мне не верят, – огорчённо произнёс он.

– Не верят? Это ещё почему? – возмущённо произнёс я.

– Да ты посмотри на меня! Разгляди повнимательней, если ещё не понял. Я же столетняя развалина! Кому придёт в голову, что мне удалось содейть подобное? Я никогда не переступал закон. всю жизнь прожил в страхе, от самой мысли о преступлении. Даже самом мелком, – с каждым его словом, мне становилось все тревожней, ведь я понимал к чему он ведёт. Резинка на напряженных пальцах едва не лопнула, прежде чем я расслабил хват.

Я не заметил, как оказался на ржавых скрипучих нарах. Старик все так же сидел на полу, виновато поглядывая в мою сторону. А я все пялился на строгого вида решётки, пытаюсь вразумить, как мне все же удастся привыкнуть к подобному виду, просыпаясь по утрам. Мне ни за что не достать здесь нужное количество резинок.

– Почему же ты тогда здесь? Если они тебе не поверили, зачем тогда закрыли?

– До выяснения обстоятельств дела. Так сказали. Пока не будет доказана чья – либо вина, под подозрением все, кто имеет к этому отношение.

– Значит они тебя все же не исключают из подозреваемых?

– Возможно. Но если и так, то в этом списке, я самый последний.

– Нас всего двое.

– Есть ещё толстяк. Забыл о нём?

– Он то почему в него попал?

– Он был там. Этого достаточно.

– Он тоже задержан? – удивился я, как вдруг мне в голову, пришла единственная адекватная мысль за последний час, – твоя внучка. Она была там.

– Не смей её впутывать в это! Даже не думай о ней заикнуться! – вспыхнул он тот час же.

– Свидетельские показания! Я говорю лишь об этом. Она ведь сможет все рассказать.

– Ты помнишь, что я сказал тебе, что здесь из – за тебя? Чтобы тебя вытащить оттуда, куда сам же и втянул, – я молча уставился на него, не понимая подоплеки, – ведь я же могу и передумать. Если скажешь им о ней, можешь забыть о моей помощи. Думаю меня отпустят уже к утру, если я откажусь от своих слов, ссылаясь на старческий маразм.

– Ты еще и здесь меня шантажировать вздумал? О какой это помощи ты говоришь? О той когда помог мне спрятать три трупа? Или о той когда отмывал со мной кровавые лужи? Или может о той, когда ты помог сесть мне за решетку, сволочь ты престарелая! – выругался я, едва сдерживаясь от физических действий, – она наш единственный шанс. Только она сможет подтвердить твой, по мнению полицейских, бред умалишенного доходяги.

– Повторяю в последний раз, мы её в это впутывать не станем и точка. Попробуешь мне перечить, и я скажу им, что видел, как ты жестоко и хладнокровно лишил жизни троих человек, – угрожающе прошипел он.

– Старик, с таким настроем, ты можешь и до утра не дотянуть.

– Думаешь боюсь твоей расправы? Ты только избавишь меня от назойливого раскаяния. Тем более я видел, как тяжело тебе было там в баре. Считаешь я поверю, что ты сможешь укоротить мне и без того небольшой отведённый срок? Тем более что я твой единственный способ выбраться отсюда. А наличие трупа в твоей камере, шансов тебе не прибавит, а усугубит и без тонкослойное положение.

– Я ведь просто прошу, чтоб она рассказала, что видела и все, – смягченно попросил я.

– А что она видела? Трёх мерзких наркоманов? Или то, как ты принёс им отравленную выпивку, перед тем как отключилась?

Только сейчас до меня дошло. Девчонка мне ничем не поможет. Тем более, что она таким образом, упрячет последнего родного ей человека в место, под страшным названием: « тюрьма

особо строго режима». Чем дальше, тем становилось все хуже и хуже. С каждой новой надеждой, следовало очередное фатальное разочарование. Растущее внутри меня чувство обреченности, казалось вот-вот навсегда поработит мою сущность и заполнит все оставшееся пространство оптимизма.

– Вы должны поверить ему, – не выдержав внутреннего напряжения, я обратился к полицейским, схватившись обеими руками за холодные прутья, – я ни в чем не виноват. Этот человек совершил чудовищное убийство, воспользовавшись моим доверием и жалостью. Он шантажировал меня, чтобы спасти свою внучку! Почему вы не верите нам обоим? Я не должен здесь находиться.

Никто из них не проронил ни слова в ответ. Лишь стояли, с немым недоумением на отрешенных лицах, выражая только безразличность и холодное презрение.

– Почему вы не хотите нас выслушать? Как бы это глупо не звучало, но старик убийца. Не я! – все пытался достучаться к ним, – я просто жертва обстоятельств. Поймите же вы, я не убивал!

Все трое ещё несколько секунд смотрели в мою сторону, прежде чем вернуться к своим делам. Двое продолжили неохотно перебирать какие – то бумаги, третий – главный, вернулся к чашке горячего кофе. Его крепкий аромат доносился до самой камеры, и он был чертовски приятным. Настолько, что я вдруг пожалел, что раньше, употреблял этот напиток.

Восемь с лишним минут. Именно столько мне понадобилось, чтобы смириться с очередным провалом сегодняшнего дня, наблюдая за стрелкой настольных часов, что непреклонно следовала по кругу приближая мою дальнейшую тяжелую участь.

Я вернулся на твёрдый пыльный матрас, что был устелен поверх дощатой койки.

– Что ты им рассказал? – разлегшись, пытался успокоиться я.

– Все как на духу. Всю правду. Что я принёс этот яд, с целью их отравить насмерть, а ты лишь подсыпал его по моей просьбе.

– Просьба? Это ты называешь просьбой? – снова завёлся я вскочив с кровати, – просьба – это когда вежливо спрашивают, а то что сделал ты, это называется обманом и шантажом! Может мне изменяет память, но что – то я не припомню фразы «о великодушный сударь, не изволите ка вы подсыпать яду, вот тем троим негодьям, что вероломно обесчестили мою внучку».

– Да да. Ты прав. Это был шантаж. Но а что мне оставалось?

– Ты не передо мной это признать должен, а вон перед ними. Перед законом и его служителями. Им ты эту историю поведать не хочешь?

– Я все им рассказал. Добавить там нечего. Я не упустил ни одной детали. И даже о том, как трусливо сбежал и оставил тебя одного.

– Ты уверен, что рассказал им все? – никак не отставал от него я.

– Да, черт возьми! Уверен! Маразм ещё не до конца поразил мой высыхающий мозг!

– Твой больной воспалённый мозг, сам поразит что угодно. Или кого угодно. Вот возьмём меня например: всю свою сознательную жизнь, я не кому не верил. Отец бросил нас с матерью, когда мне было шесть. Ушёл к другой женщине. Мама так и не смогла пережить его измену. На время она замкнулась, занявшись рукоделием. Из разноцветных канцелярских резинок она создавала оригинальные и неповторимые картины используя гвозди или острые кнопки, забыв о моем существовании на долгое время. Моим воспитанием тогда занималась бабушка. Её мать. Она говорила мне, что мама скоро вернётся, что ей нужно побыть одной. И я терпеливо ждал. Спустя время, так и не справившись с утратой, мать отправилась на поиски отца. И больше я её не видел. Бабушка растила меня одна. Пока не умерла. Я все спрашивал её когда вернётся мама, а она отвечала что скоро. Каждый раз она твердила мне одно и тоже: «она любит тебя, и скоро вернётся», говорила бабушка, – я вдруг понял, что эту историю не рассказывал ни разу в жизни, ни одному живому человеку, но сейчас, я был готов продолжить, – я слышал эти

слова и верил ей. Вера постепенно угасала, но эти слова меня успокаивали. Они были панацеей от всех болезней и невзгод. Каждый раз, когда мне становилось плохо, я вновь и вновь спрашивал. И каждый раз получал один и тот же ответ. И вот однажды бабушки не стало. Мне было четырнадцать и меня забрали в интернат. Вот тогда то я и перестал верить. Меня обманывали самые близкие и родные мне люди, и веры к остальным во мне не осталось ни капли. И без неё я прожил ещё прекрасных тринадцать лет. Тринадцать лет, я довольствовался тем, что мне осталось от родителей. Огромная коробка этих самых резинок и недоверие ко всему окружающему миру. Но тут появился ты. И моя резиновая защита лопнула.

– Не хотел разочаровывать тебя вновь, – странным голосом произнёс он.

– Ты меня не разочаровал. А наоборот. Ты лишь подкрепил моё колоссальное недоверие к себе подобным.

Он больше не ответил мне. Просто остался немо сидеть на холодном полу, до тех пор, пока я не уснул, размышляя над тем, как мне вернуть репутацию законопослушного гражданина, и очистить своё имя.

Меня разбудил звук громкого замочного щелчка.

– Заключённый на выход! – раздался громкий голос полицейского, эхом прокатившись по камере.

Я недоумевавшая смотрел в темную бездонную пустоту окружавшую меня сзади. Старика на прежнем месте не оказалось.

– На выход! Чего ждём?

– Это вы мне? – охрипшим и тихим, после сна голосом, спросил я.

– Нет, это я твоему невидимому соседу по койке.

Я встал и доверчиво заглянул на верхний ярус. Никого. Куда же подевался старик? Увели на допрос? Возможно.

– Тебе, тебе. Кому же ещё? – раздраженно заявил страж, – руки за спину.

Я растерянно выполнил приказ, и направился к выходу. Тяжелые наручники, вновь украсили мои покрасневшие запястья.

Снаружи камеры, стояли двое мужчин в штатском, внимательно рассматривая меня оценивающим взглядом. Оба были высокого роста, спортивного телосложения и вооружены. Только потом я заметил третьего.

Худощавый длиномер в очках с толстой оправой, осматривал соседнюю камеру, сложив руки за спиной так, будто любуясь произведением искусства. Ему очевидно нравилось то, что он видел, и он этого не пытался скрывать. На нем был длинный бежевый плащ, а его большой непропорциональный по соотношению к сухому туловищу череп, украшал старомодный головной убор. Шляпа выглядела столь нелепо, что даже самый неотесанный бутлегер, во времена западного сухого закона, не напялил бы такого даже в разгар рабочего процесса. Надеть подобное, смелости бы не хватило даже самому Чарли Чаплину, во время пародии на Дон Кихота.

Наконец он повернул голову в мою сторону, так и не сменив позу. Он был старше пятидесяти. А под его тонким ровным носом, во все стороны разрослись седые причесанные усы. Я бы рассмеялся, встретить такого где – то в баре. Я бы рассмеялся и сейчас, если бы так сильно не хотелось заплакать, от отчаяния.

– С этого момента вы переходите в руки секретного ведомства, – бесцеремонно констатировал начальник этого угрюмого и неприветливого заведения.

– Что за ведомство?

– В дальнейшем, вам все объяснят его сотрудники. Я не компетентен в подобных вопросах, – все такой же «вразумительный» ответ получил я.

– Я ни в чем не виноват. Ну разве в том, что послушал старого невменяемого проходимца. Где он сейчас? Это он виновен в смерти тех троих...

– Моё имя Феликс, – представился долговязый в шляпе, перебив меня, – вам придётся проехать с нами, – указывал он на двух своих подопечных коллег.

– Куда проехать? Почему вы меня не слушаете? Он же вам все рассказал. Это все правда. Как вы можете все игнорировать? Вы должны нам поверить! – твердил я без умолку.

– Мы вам верим. И именно поэтому, вы должны проследовать за нами. И это далеко не просьба, если вы вдруг имели наивную неосторожность такое себе представить, – он говорил спокойно но строго. Твёрдо.

У меня не оставалось другого выхода. И я подчинился.

– Можно мне воды? – попросил я перед тем, как покинуть это гиблое место.

Феликс перевёл вопросительный взгляд на главного, который к этой минуте уже успел занять своё удобное насиженное место.

– Могу предложить только обычную водопроводную воду. Но она здесь не очень, – растерянно пожимал плечами начальник, – трубы старые.

– А вы сами, что пьёте? – возмущённо уточнил Феликс.

– У нас вода привозная. Но заключённым её давать не положено.

– Что ж, может сделаете исключение? Тем более, что он теперь, не ваш заключённый.

Начальник, молчаливым жестом приказал одному из охранников принести мне воды. Тот, так же молча исполнив приказ руководителя, принёс мне большую чашку прохладной жидкости.

Я осушил чашку тремя большими глотками. Толи от волнения, толи давалось в знаки количество выпитого вчера спиртного, но я попросил ещё. На что все сотрудники «отеля» глазели на меня, как на прокаженного, который нагло просит ночлежки.

– Может вы наконец дадите человеку пить, и мы сможем вас благополучно покинуть? Чтоб вы смогли дальше заниматься переливанием крови?

– Каким ещё переливанием? – удивился начальник.

– Иначе ваши действия назвать нельзя. Вы тут как три артерии, которые просто гоняют кровь по венам. Но тем не менее, это полезное занятие. Ведь без кровообращения, организм существовать не может.

Наконец охранник подошёл ко мне со второй кружкой в руках. Ему приходилось держать кружку у моего рта пока я пил, ведь мои руки были закованы за спину, от чего немного воды пролилось на его ботинки. Он презрительно на меня посмотрел, и недовольно отправился за тряпкой.

– Спасибо за гостеприимство господина, но мы вынуждены вас покинуть, – с нескрываемым сарказмом и явным подтекстом, произнёс Феликс направляясь к выходу.

Здоровяки крепко держали меня за руки. Изредка бросая на меня непонятные взгляды и удивленно переглядываясь между собой. Думаю они просто не могли поверить в то, что такой как я, мог сотворить нечто подобное. Ведь наверняка они представляли меня иначе. А теперь, пытались разглядеть во мне того самого маньяка, которого ожидали увидеть. Но я похоже не оправдал их ожиданий. Хотя хватку они так и не ослабили, очевидно соблюдая меры необходимой предосторожности. Неизбежно останутся синяки.

– Это Анатолий и Николай, – представил мне своих громил Феликс, очевидно заметив их излишний интерес к моей скромной персоне, – я зову их просто Толя и Коля. Они вам зла не причинят. Но это не значит, что их не стоит бояться.

– Тонко подмечено. Забавное уточнение, – я все ещё был в замешательстве, когда меня садили на заднее сиденье чёрного седана, без распознавательных знаков и номеров.

Один из них, не то Толя, не то Коля, уселся подле меня упираясь головой в крышу. Другой открыл переднюю пассажирскую дверь худощавому Феликсу, и занял водительское место.

– Что за секретная служба? Кто вы? И куда меня везёте? – все же не выдержал я неведения. Ведь я сейчас как слепой котёнок, мог сам влезть в пасть к голодному бездомному псу.

Догадок в своей голове я уже перебрал не один десяток. Но самая страшная из них – это была месть.

Что если эти трое хотят жестоко отомстить за смерть тех троих наркоманов. Может этот slashавый мужик, хотя и мало вероятно – отец одного из них. А может они работали на него, распространяя товар. А теперь это делать некому. Или в конце концов, они должны были ему кучу денег, ведь они же конченные наркоманы. И теперь, из-за меня не кому платить по счетам. А может они и впрямь сотрудники тайного ведомства, но тогда что им от меня нужно?

– Всему своё время. Скоро вы все узнаете, – уверял меня Феликс.

Я отвернулся к запотевшему окну. Город был поглощён густым, предвечерним туманом. В этой серой, холодной мгле, изредка видны были лишь силуэты прохожих, освещаемых фарами проезжающих автомобилей. Для здешних мест такая погода, совсем не редкость в это время года. Что может быть прекрасней, чем вкушать свежую прохладу осенней ночи, прогуливаясь поздним вечером пустыми, безлюдными улицами. И тут я подумал, что рассуждаю как ненормальный. Кому охота соваться без особой нужды, за дверь своего дома, в такую погоду. Ведь для нормального человека это совсем неблагоприятные условия для комфортной прогулки. Это скорее непогода. Но только не для меня.

С самого детства я ненавидел солнце, и как мелкая рыбка выброшенная на сушу, постоянно ждал дождя. Когда наконец на небе появлялись тучи, сгущаясь над городом все сильнее, я с наслаждением наблюдал за недовольными лицами прохожих, мечущихся в поисках укрытия или прячущихся под громоздкими зонтами, из открытого окна своей маленькой комнаты второго этажа нашего старого общежития, жадно вдыхая влажную прохладу полными легкими. Из этого окна я мог легко выбраться на пожарную лестницу, где довольно сидел под дождем, набирая водой, старенький глиняный горшок, в котором уже давно ничего не росло с ухода матери. Иногда я проказничал, выливая все его содержимое на головы случайных незнакомцев, и прятался обратно в комнату сквозь открытое окно. Однажды я не узнал нашу соседку под дырявым зонтом. Помню тогда мне крепко влетело от бабушки, которой она пожаловалась не успев переступить порог нашего подъезда, на то что у неё сломался зонт, после того как я окатил её водой, который и до этого, годился разве что для отсеивания мелкого картофеля.

Но в тот момент, когда мне надоедало развлекаться таким образом, я всегда набирал полный горшок и оставлял его на подоконнике до следующего дождливого дня. Осенью ему не приходилось застаиваться, но однажды летом, засуха длилась больше двух недель. Это были самые длинные и тоскливые две недели в моей жизни. Вода в горшке застоялась, и бабушке пришлось её вылить, пока я спал.

Я не следил за дорогой, погрузившись в воспоминания, как вдруг машина остановилась.

Я с ужасом смотрел перед собой, увидев в окне вывеску «Кроличья нора».

– Зачем мы здесь? – испуганно спросил я, – я больше не хочу видеть весь этот кошмар!

– Боюсь, вам придётся, – обернувшись ко мне лицом объяснил Феликс.

Меня буквально вытащил из машины здоровяк, не применяя особых усилий, поставил меня на ноги, не отпуская ни на секунду. К нам присоединился второй, заглушив двигатель.

Феликс вышел последним и направился ко входу уверенными, большими шагами.

Мне казалось я сейчас провалюсь сквозь землю, если увижу все что мне пришлось пережить накануне. Лицо того бедняги и без того отпечаталось в моем подсознании крепко и навсегда. Забыть его мне вряд ли когда-то удастся.

Дверь нам открыл медицинский сотрудник, наверное. Такой вывод напрашивался из – за белого одеяния, что покрывало его туловище с головой.

Внутри, было ещё двое. Они сновали повсюду фотографируя и отмечая улики.

Тел на прежних местах не оказалось, и я вздохнул с небольшим облегчением. Все остальное осталось нетронутым. У меня перед глазами, вновь восстала картина тех сумбурных собы-

тий. Все было в красных тонах. Здесь будто взорвался пункт приема чистой плазмы, крови бы хватило на целый военный госпиталь.

В пороге я застыл так, что Толе и Коле, даже пришлось приложить немного усилий, чтобы протолкнуть меня в глубину зала. Феликс шёл впереди, осторожно переступая осколки разбитого стекла и большие пятна, которые мне так и не удалось устранить. Ведро со шваброй перевернулось, и в некоторых местах образовались действительно большие алые лужи. Очень сильно воняло спиртным, которое я в отчаянии разлил, пытаясь использовать, как зажигательную смесь.

– Я могу здесь закурить? – внезапно возникло у меня неутолимое желание.

– Это же ваш бар, – ваше рабочее место, – сделайте что вам заблагорассудится. Ребята снимите с него наручники, – приказал Феликс.

– Нет. Здесь все пропитано спиртами различной крепости. Уверен всё это его рук дело, – указывал на меня член следственной бригады полагаю, – а теперь вы хотите дать ему ещё и огонь?

– Вы же будете вести себя хорошо? – уточнил Феликс, прежде чем с меня сняли наручники.

– Я не собираюсь ничего поджигать, если вы об этом. К тому же, я сам насквозь пропитан горючим того же происхождения.

Я присел за ближайший столик, как только мои руки снова были свободны. Сигареты и спички, у меня изъяли задержавшие меня сотрудники полиции. Я вспомнил об этом, лишь проверив все свои карманы с изнаночной стороны.

– Разрешите мне пройти за барную стойку? – подумал я о наличии одного, на рабочем месте.

– Не думаю, что это хорошая идея, – ответил Феликс, – зачем вы хотите туда попасть?

– Сигареты. У меня не осталось. Все забрали при обыске. А там должны были остаться.

– Дайте ему сигарету, – на просьбу странно одетого Феликса, никто не отреагировал, – неужто никто не курит?

В ответ все растерянно пожали плечами.

Анатолий молча отправился за стойку, по немому приказу начальника. Оттуда он вернулся с моими сигаретами и сразу бросил их на стол возле меня.

Николай принёс мне пепельницу, а Феликс достал из своего кармана бензиновую зажигалку и поднёс огонь так близко к моему лицу, что мне пришлось немного увернуться, чтоб прикурить. Затем все трое замерли, окружив меня, пока я жадно втягивал горький табачный дым. У меня сильно тряслись руки. Лихорадочно, будто трансплантаты старого алкоголика. Я никак не мог совладать с ними. Пальцы запутались в резинке будто в стальной проволоке и меня это сильно раздражало.

Я даже не заметил как Феликс не надолго удалился. Он вернулся с полным стаканом в руке, протянув его мне.

– Вот. Возьмите. Кажется вам нужно успокоиться. Разговор предстоит серьёзный.

Несколько глотков выдержанного шотландского виски обожгли мои нервные окончания изнутри. У него был хороший вкус. А ещё он был достаточно вежлив и учтив со мной, как для представителя органов правопорядка в разговоре с серийным маньяком, коим теперь меня все считали. И тут я подумал, что это все же мало походит на месть.

– О чём же вы хотите поговорить? – спросил я едва слышно, поставив стакан немного умирившейся рукой.

– Прежде всего о том, что же здесь все таки случилось? – он медленно присел напротив меня, – что вам сделали эти трое несчастных? И за что вы столь жестоко с ними обошлись? Вы же использовали кислоту, не так ли?

– Кислоту? Какую кислоту?

– Недавно мне сообщили результаты вскрытия. Все три жертвы буквально на атомы расщеплены изнутри. Их органы поражены действием ядовитого кислотного вещества. Впервые за всю свою долгую практику, патологоанатом, которому пришлось делать вскрытие не сдержался. Жареные сосиски, которые он, с большим аппетитом употребил в качестве завтрака, оказались на носилках. Внутри трупа, практически все было выжжено кислотой. Вы хоть представляете, что им довелось испытать перед смертью? Это было похоже на раковую опухоль, которая активно прогрессирует в считанные секунды. Но только вдвое мучительней.

– Я ничего не знал об этом. Все должно было пройти иначе. Безболезненно и быстро. Он так обещал, – растерянно оправдывался я, шокирован его рассказом.

– Кто обещал?

– Тот ненормальный старик! – по его удивленным глазам, я сразу понял что он не ведаёт о ком идёт речь, – он был там. Он все им рассказал. Я думал вы в курсе.

– Но я не в курсе. Кому рассказал?

– Полицейским.

– Давайте с самого начала. Расскажите свою версию событий, не упуская ни одной детали. Особенно меня интересует этот старик, о котором вы так уверенно толкуете.

– Он появился неоткуда. Я не видел как он вошёл в бар. А возможно просто не придавал значения его появлению. Уже не припомнить... – я поведал этому любопытному человеку все, что случилось прошлой ночью. Мой рассказ, со всеми мельчайшими подробностями, длился около двадцати минут. От момента когда я его впервые заметил, и до того самого, как меня неожиданно поймал толстый усач «Лаврентий». Всего двадцать с лишним минут, за которые, я прожил весь этот ужас заново. Он внимательно слушал меня, не перебивая даже когда я от волнения запинаясь и возможно, даже заикался. За эти бесконечные двадцать минут, я выкурил четверть пачки сигарет, допил свой скотч, и порвал очередную резинку, – затем прибыла полиция, меня схватили и доставили в участок. Там, за решеткой камеры, я снова увидел его, – наконец закончил я, пытаясь перевести дыхание.

– Кого вы там увидели? – недоумеая спросил он, вызвав во мне приступ неконтролируемой агрессии.

– Да этого же самого старика! – я раздраженно ударил ладонью о стол, от чего Толя и Коля немного зашевелились, и подошли к нам вплотную.

– Не нервничайте, – обратился ко мне Феликс, жестом дав понять своим подопечным, что вмешиваться пока не стоит.

– Как уж здесь? – попытался расслабиться я, – почему вы все строите из себя идиотов, не желая услышать правду?

– Именно к ней, мы и старательно пытаемся докопаться.

– Тогда почему никто не хочет верить ему? Он же все им рассказал. Все в точности, что и я сейчас вам. Наши истории полностью совпадают. Две одинаковые версии. А я все ещё здесь. Куда они его забрали?

– Дело в том... – казалось он слишком задумчив, – я не знаю как вам правильно это объяснить.

– Что? Они отпустили его? Я так и знал! Он предполагал подобное. Говорил, что никто не пытается его выслушать. А теперь он на свободе, не так ли? Вы отпустили настоящего преступника, вы понимаете это? Чего же вы молчите?!

– С вами в камере никого не было, – наконец изъяснил он.

– Конечно не было, к вашему появлению. Потому, что он уже был на пути домой, к тому самому моменту.

– Скажите, как его имя?

– Да не знаю я его имени! Спросите у тех полицейских, наверняка они знают. Ведь как то нужно было оформить его арест.

– В том то и дело. Никакого ареста не было. В этой камере, кроме вас, уже неделю никого не удерживали.

– Это что, розыгрыш? Шутка такая? По вашему это смешно?

– Я похож на шутника? Или на юмориста?

– Если честно, то немного похож, – не сдержался я до конца. Ведь говоря искренне, он был просто вылитый комедиант.

– Не смотря на это, я таковым не являюсь. Смею вас в этом заверить, – немного оскорблено произнёс он.

– То есть вы хотите сказать, что он мне; что, по вашему, приснился? Или причудился? – надменным тоном продолжал я, – я видел его своими глазами так, как вижу сейчас вас.

– Я вас не пытаюсь одурачить. Не знаю, что вы могли видеть в той камере, точно знаю лишь одно – кроме вас, там никого не было.

– Намекаете, что я сумасшедший? И чертов старик не приходил с повинной?

– Может вы увидели то что хотели. Если честно, я вообще сомневаюсь в существовании этого безумного старика, спасающего внучку, – вдруг выложил он, и на меня словно ящик с инструментами рухнул с восьмого этажа.

– Вы намекаете на то, что я лгу? Думаете я все это придумал? – возмущению моему казалось не было предела, и оно вот вот вырвется и ползет из меня наружу.

– Я не знаю. Но предлагаю нам вместе с этим разобраться.

– В чем? Я вас не понимаю. Мне нет нужды в разбирательствах. Я ведь точно знаю как все было. И вам меня не запутать. Это что, какой то новый метод добиться чистосердечного признания?

– Я скажу вам все как есть. А вы просто выслушайте и поразмыслите. В этом помещении хватит улик, чтоб упрятать вас за решетку лет на двести пятьдесят. Вы главный и единственный подозреваемый в тройном убийстве, совершенном с особой жестокостью. Я бы даже добавил с невиданным ранее безразличием к чужой человеческой жизни. По словам свидетеля, вы пытались скрыть следы преступления. Перетаскивали тела, шваброй растирали кровь по полу. Делали это расчётливое и хладнокровно. Так вот взвалить это все на какого – то неизвестного пенсионера, которого никто не видел, и имени которого никто не знает – шансы нулевые.

– Если вы мне не верите, считаете я все выдумал, тогда зачем мы здесь? Зачем вы меня сюда привезли? Чтобы разобраться в моих мотивах? – строил смутные догадки я, – так вот у меня их нет. И никогда не было. Этих людей, я видел впервые, и хотя они мне были крайне неприятны, может даже омерзительны, я бы ни за что не стал их убивать.

– Давайте начнём с того, почему они были вам омерзительны? – начал свой допрос Феликс.

– Потому, что это были три гнусных наркомана, у которых выпало половина волос и зубов. Мимо прочего, ублюдки почти раздели за столом малолетнюю девицу, внучку несуществующего дедули, между словом, – я закурил ещё одну сигарету, дым от которой, казалось выходит у меня прямо из ушей, от злости и разочарования.

– Но никакой девушки обнаружено не было.

– Да вы что, на хрен такое говорите?! Может это потому что никто её не отравил, а лишь подсыпал немного снотворного. Ах да, я же рассказывал вам об этом несколько минут назад. Но вот только зачем я распинаюсь, когда меня никто здесь не слышит?

– Это правда, – вдруг вмешался невидимый голос, – на дне одного из стаканов обнаружено сильнодействующее снотворное.

– Тогда где эта девушка? Вы отпустили её?

– Он её забрал? Вы ... – я не знал насколько далеко можно заходить в ругательствах, в разговоре с представителем каких то тайных ведомств. В голове вертелись: «кретин», «идиот»,

«болван», – вы очень, нет вы крайне невнимательны к моему рассказу. Просто недопустимо тупоголовый, – я все таки сказал это.

– Давайте остынем, – уравновешенно предложил он, – сдаётся вы немного забываетесь, Платон. Я здесь пытаюсь хоть как то вам помочь, в то время как остальным на вас абсолютно наплевать. Думаете у вас есть возможность выйти из этой ситуации целым и невредимым? Да вас отправят за решетку без всякого суда и следствия. И вам уже никогда оттуда не выйти. Так что перестаньте мне твердить об этом чертовом старике, потому что если он и впрямь провернул все это, то вы остались в дураках. Его и след простыл. Ни имени ни адреса. Он призрак. И возможно не только в переносном смысле слова.

– Это вы опять намекаете на то, что его не существует?

– Я лишь знаю, что в вашей камере никого не было, хотя вы и уверены в обратном. Не пойму, кого вы пытаетесь одурачить: нас, или себя самого.

– Он был там. Я готов поклясться. Это какая то уловка, – во мне стали закрадываться сомнения. Неужели мне это приснилось.

– Вот об этом я и говорю. Но впрочем забудем о нем. И поговорим о вас. У нас есть к вам необычное предложение. Вы готовы его выслушать?

– По моему у меня нет права выбора, ведь я здесь не по собственной воле. И ваш вопрос это скорее утверждение.

– Право выбора у вас никто не отнимал. Только вот в чем оно состоит, – он говорил интригуяще.

– И в чем же? Скажите мне.

– Вы всегда сможете вернуться назад в камеру. В любой момент можете закончить этот разговор, отказаться от виски и сигарет, и очутиться в том скверном месте, где нет даже пригодной питьевой воды. Где вы очень скоро обзаведётесь вшами и будете благоухать как изношенные ботинки бездомного бродяги. С питанием конечно, там дела обстоят получше. Как минимум потому, что оно у вас будет трехразовым. Ассортимент его правда оставляет желать лучшего. Ну или хотя бы чего-нибудь другого. Ну это ведь не самое страшное, верно? – он сделал небольшую паузу, как оратор, перед заключительной фразой, – электрический стул ведь намного страшнее.

– Я так понимаю, всему этому есть альтернатива?

– Вы сообразительный, – не то с сарказмом, не то с похвалой ответил он.

– И сейчас вы мне о ней поведаете? – той же монетой отплатил ему я.

– Только если вы этого хотите. Ведь вас вполне мог устроить и первый вариант.

– Ну я же не могу отказаться от неизвестности. Это как сказать ребёнку, который никогда не пробовал сладостей: «эй малыш, не хочешь ли ты карамельную конфету».

– И каков будет ответ?

– Не знаю, но хочу попробовать.

– Мы хотим предложить вам работу.

– Работать на вас. Я ведь даже не знаю что за ведомство вы представляете.

– Мы являемся автономной организацией по борьбе с организованной преступностью. Наши действия засекречены и нетрадиционны, но полностью санкционированы высшими чинами государства. Мы не предлагаем вам должность и стабильную зарплату в нашей организации. Вы должны будете, лишь выполнить для нас некую работу и на этом все.

– Некую работу? Под этой фразой вряд ли можно подразумевать, что вам нужны услуги обычного бармена, в тайно засекреченном бункере. Так что тогда? Я буду вынужден месяц разносить почту у вас в офисе и подавать вам кофе.

– Ошибаетесь. Именно ваши профессиональные навыки спаивать людей, мы и хотели бы использовать в своих личных целях.

– Я пока не совсем понимаю о чем идёт речь? Можно немного конкретизировать, – в этот момент, меня немного расслабило действие спиртного. Да так, что я с небольшими усилиями, выговорил последнюю фразу.

– Вы просто будете делать свою работу, под нашим непрерывным руководством. Продолжать смешивать напитки и вести наблюдение, наливать дорогой коньяк и докладывать нам обо всем, – он говорил размеренно и твёрдо, так будто я уже дал своё согласие. Его дурацкие усы обильно собирали кофейную гущу, из чашки, которую ему принесли несколько минут назад.

– И это все? То есть вы хотите, чтоб я шпионил для вас?

– Собираю сведения. Для настоящего шпионажа вы, боюсь мало подготовлены.

– И сколько же мне придётся это делать? Собираю сведения? – я все никак не мог уловить суть. Неужели мне готовы спустить с рук тройное убийство, взамен на безобидный донос.

– Пока не закончится операция.

– Что за операция?

– К сожалению я не смогу разглашать вам её детали, пока вы не дадите своего согласия на участие.

– А что я получу взамен?

– Машину времени, – самодовольно ответил Феликс.

– Как это понимать?

– Все что случилось здесь прошлой ночью, устранят наши оперативники. Спец отряд зачистки, ждёт приказа. Через час после их прихода, здесь не останется ни малейшего следа преступления. И возможно вашему руководству даже придётся выплатить вам премию за генеральную уборку. Все бумаги, протоколы и прочее будут уничтожены нашими сотрудниками. Тела жертв, так же пропадут навсегда. Установлены их личности, двое из них давно уже объявлены родственниками как пропавшие без вести, третьего искать вовсе некому и незачем. Вот вам и назад в будущее.

– Ну я не смогу больше работать в этом баре. Я и сейчас с большим трудом здесь нахожусь, – на глаза накатывались слезы, отчаяния. Возможно облегчения.

– Кто вам сказал, что нас интересует это место. Как раз напротив. Отсюда вам таки придётся уволиться. Мы подберем для вас заведение пореспектабельней.

– Что ж, я готов выслушать детали, – принял очевидное решение я.

– Это значит да?

– А вы думали я впрямь предпочту вернуться в ту проклятую вонючую дыру? – там бы я не протянул и месяца.

– Ну, за начало сотрудничества, – он протянул ко мне руку с горячей чашкой кофе, – ой простите мою невнимательность, у вас опустел стакан. Принесите ещё виски.

Иногда, когда все идёт наперекосяк, когда все планы летят сутой под хвост, когда кажется что выхода уже нет, решение приходит само собой. Так вот это совсем не тот случай., я почувствовал, как что – то внутри меня оборвалось, когда соприкоснулся стаканом о его чашку. Сесть на электрический стул, конечно пострашнее, но сейчас во мне закралось слабое подозрение, что я заключил сделку с самим дьяволом, или одним из его воплощений. Станным и на первый взгляд безобидным воплощением. Это скорей была карикатура на хозяйина преисподней. Посмешище. Но теперь моя судьба находилась в его тонких жилистых руках. И внутренний голос, или выдержанный виски, мне подсказывал, что он то уж воспользуется ею сполна.

И первый сюрприз не заставил себя ждать долго.

– Владек, – позвал он немного повысив голос.

Каково же было мое удивление, когда на сцене, неожиданно появился усатый толстяк. Тот самый, благодаря усилиям и храбрости которого, я сейчас здесь, нахожусь в столь затруднительном положении.

Он нерешительно переступал красные лужи, приближаясь к нам робкими неуверенными шагами. Казалось, что его пребывание в «Кроличьей норе», было намного тягостней и невыносимей моего. Он вертел головой по сторонам, подобно свихнувшемуся опоссуму, которому чудом удалось уйти от преследования злобной гиены, которая все ещё настырно идёт по его следам. И вот ещё несколько ступеней, и он окажется в безопасности. Но когда он подошёл к нам с Феликсом и остановился, то по его лицу легко читалось отчаяние и абсолютная беззащитность. Выглядело так, будто он прибежал прямо в лапы, той самой прожорливой гиены.

– Владек наш талантливый химик из Польши. Это он сообщил в контору о происшествии, очевидцем которого ему невольно пришлось оказаться. Думаю вы вспомнили его?

– Так значит Владек, – я смотрел на усача, пытаюсь заглянуть в его неуловимые глаза. Он избегал зрительного контакта со мной, все больше принимая сторону Феликса.

– Успокойся Владек. Он не причинит тебе вреда. Поверь, тебе нечего бояться, – пытался успокоить его Феликс, – выпьешь чего-нибудь с нами?

– Пожалуй пива? – попытался угадать я и попал в самую точку.

– Не откажусь от бокала холодного, – наконец заговорил толстяк, разбавив воздух перегаром.

– Я могу налить, – предложил я не сводя пристального взгляда, от страдающего сильным похмельем Владека, предсказывая общую реакцию.

Наконец он посмотрел на меня так, что мне от этого стало не по себе. Ведь испуг, с которым он это сделал, выказывал всю степень ужаса, и отношения ко мне этого человека. От его взора, я почувствовал себя настоящим злодеем. Чудовищным и кровожадным.

Феликс осуждающе смотрел на меня.

– Владек у нас человек творческий, отчего жутко мнительный и ранимый. Не стоит испытывать его нервы на прочность. Ведь мы и так едва уговорили его на участие в этом разговоре. А ведь без него, операция обречена на провал.

– Без него? Этот человек, только что вернулся из алкогольной комы.

– Нам известна его слабость. Но это не делает его меньшим профессионалом.

– И в чем же заключается его столь важная роль? – насмешливо спросил я.

– Он создаёт и компонирует ядовитые элементы. Мы уже давно готовимся к предстоящему мероприятию.

– Ядовитые? Я не ослышался? – немного оторопел я.

– Если уж быть до конца откровенным, то именно поэтому вы здесь.

Огромные, гулкие глотки толстяка, в один заход поглощающего пивной бокал досуха, сбивали меня с холодной мысли. Ему принесли уже второй бокал, прежде чем я сумел наконец сосредоточиться.

– Так может вы наконец изложите все детали?

– Уже несколько месяцев, наш человек проходит обучение вашему ремеслу. Мы собирались внедрить его под видом обычного бармена в интересующее нас место. Но пока все безуспешно. Ему едва удаётся то, что вы делаете без особых усилий. Не удивительно, ведь его тренировали для другого. Он всю свою жизнь учился отнимать жизнь. Бессердечно и хладнокровно. Совершенно беспристрастен. Здесь и произошла небольшая заминка. Вот только вас этому никто не учил, а получилось довольно неплохо. Сложно назвать это тонкой работой. Но для этого нам и нужен Владек.

– К чему вы ведёте? – пытался притвориться идиотом я.

– Делаете вид, что не понимаете? Что ж, я объясню. Наш химический отдел, который возглавляет наш польский талантливый друг, разработает вещество, которым вы, по нашему приказу, должны будете отравить одного очень влиятельного и могущественного человека. Достаточно подробная формулировка? – наконец он выложил все карты на стол.

– Вы не в себе, раз о таком просите. Я не убийца. Разве это не видно?! – возмутился я.

– А вот Владек утверждает обратное. Такова цена свободы.

– Я не стану больше никого убивать. У меня что дежавю? Старый пройдоха проделал со мной ровно то же. И где я теперь? В полной дерьма заднице! Снова шантаж? Нет уж, – отговаривался я словно перед самим собой, ведь никто и слова мне возражать не стал.

– Отказаться – ваше право. Я же не могу отговаривать вас возвращаться обратно в камеру. Возможно вы и правы. Может отсидеть пожизненный срок, будет намного правильнее нежели лишиться жизни одного негодяя. К тому же ваш выбор, на этом не заканчивается. Постоянно забываю о смертной казни. Просто раньше я работал в странах, где она уже больше чем пол века не применялась.

Со словами о возможности встретить свою кончину, прикованным к твердому железному креслу, толстыми кожаными ремнями, находясь в помещении пропитанном запахом горелой человеческой плоти и волос, у меня собственные становились дыбом. Мысли о подобном приводили в ужас и будоражили живое воображение.

Но как я докатился до такого. Мною теперь лишь ленивый аутист не пытается манипулировать. Неужели моя собственная судьба больше мне не принадлежит? И терпеть я оказался инструментом в руках мстительных маньяков, пенсионного возраста, тайных спецслужб и неизвестно кого ещё?

– Как я могу быть уверенным, что мне все же удастся избежать смертной казни? Возможно вы её лишь отсрочите?

– В тюрьму вы не вернётесь, если вы об этом, – неоднозначно ответил Феликс.

– Тогда налейте мне ещё. Ведь трезвым я на такое точно не соглашусь.

– Тогда по рукам! – довольно воскликнул Феликс, – в ближайшее время с вами свяжутся наши коллеги, затем вам придётся пройти психоанализ у нашего специалиста, во избежание повторения сегодняшнего инцидента. И мы будем готовы приступить, – проинструктировал он, пока я залпом допил виски.

Бригада зачистки прибыла, к тому времени, когда я уже был в том состоянии, в котором обычно обзванивал всех, чтобы приятно скоротать оставшуюся часть вечера. Вот только сейчас было ещё далеко до вечера. Три часа после полудня. А я уже с бутылкой в руках, пытаюсь напиться до летального исхода. Чтоб больше меня никто не использовал. Чтоб больше не пришлось никого травить.

Я едва слышу как Феликс отдаёт приказ Толе и Коле, отвезти меня домой.

Они берут меня под руки. Я не выпускал бутылку из рук, с тех пор как меня снова пустили за бар. И сейчас не выпустил.

Кровавых пятен под ногами больше не было.

Глава 2

Назад уж не вернуться

Стук в тухлявую высокую дверь моей квартиры, больше походил на барабанную дробь. Такой же частый и громкий.

В комнате было темно. Или же, мои распухшие глаза все ещё не до конца открылись.

В потёмках я пытался отыскать хоть каплю какой – то жидкости. Казалось вчера, я в одиночку потушил целый сосновый бор. Амфибия чувствует себя на суше гораздо комфортней, после трёх суток вне водоёма, нежели я в данный момент.

В попытках устранить обезвоживание, я споткнулся о пустую бутылку, которой доселе не видел и не понимал откуда ей здесь появиться: « Видимо вчера, я ещё заезжал куда то», – подумал про себя, и с ходу же вздрогнул: « Куда только меня могло занести в таком состоянии?» – последнее, что я помнил, это как Толя и Коля выводили меня из «Кроличьей норы».

В такую «засуху», ржавая вода из крана показалась мне кристально чистой.

– Иду иду, – изнеможенно простонал я в ответ на усиливавшийся грохот в дверь, из которой, уже во все стороны летели щепки. Должно быть в неё колотил, по меньшей мере двухметровый громила, – ну кто бы сомневался, – прищурившись от резкого света проворчал я себе под нос, созерцая удивительно настырного непрошеного гостя.

Это был не то Коля, не то Толя. Не удалось запомнить их по именам. Хотя, если быть до конца откровенным, я не очень то старался.

Он нахмуренно смотрел на меня, не проронив ни слова. Мне кажется они вообще немые. Оба. Ну или говорят крайне редко, отвечая сугубо по делу, без лишней болтовни, с разрешения или по приказу своего руководства.

– Скажи, что ты здесь лишь для доставки холодного пива, – в ответ он продолжал молча пялиться на меня, как на испорченный экспонат музейной галереи. По сердитому выражению его лица, я быстро понял, что никакого отношения к доставке он совсем не имеет, а мне пора немедленно собираться на выход, – дай мне несколько минут, а лучше одолжи свой пистолет, я пойду пристрелю продавца, из лавки на соседней улице, который продал мне вчера бутылку виски, а потом выстрелю себе прямо в широко открытый рот. Возможно пуля поможет мне умереть раньше, чем меня загонит в гроб похмельный синдром.

Гнев, с которым он продолжал стоять на пороге моей квартиры, перерастал в настоящую ярость, заточенную в его могучее крепкое тело и профессионально подавляемую эмоционально тренированным мозгом.

– Ну дай я хоть штаны свои найду. Может быть пока войдёшь? Или так и будешь стоять в пороге, как немой истукан? – он не сдвинулся с места и я попытался закрыть дверь. Мне помешала его нога в громадном ботинке, сорок седьмого размера, которую он не вовремя ткнул в мой дверной проем, – ну так уж и быть. Хочешь смотреть – не стану возражать против твоих извращённых фантазий, – продолжал я свой монолог, поправляя трусы на ягодницах.

Последняя моя фраза все же заставила его прикрыть дверь, но не до конца.

Приложив невообразимые усилия, мне наконец удалось одеться, хотя далеко и не с первого раза. Пришлось дважды переодевать не свежую футболку, найденную на полу возле кровати. Затем я обнаружил, что чистую одел этикеткой наружу, уже перед самым выходом, набрасывая курточку. Вернулся, чтоб ещё немного оросить засохшее от жажды горло мутной жидкостью из под крана, которой почти уверен можно заправлять автомобильный транспорт, ведь она наверняка на девяносто процентов состоит из нефтяных отходов.

Я не помнил, принимал ли душ накануне. Не уверен, что это вообще возможно сделать в таком состоянии, в каком я находился вчера, судя по моим теперешним ощущениям. Но крови на мне больше не было. Видимо как то я все же умудрился её смыть. А значит сейчас можно было этой процедурой пренебречь, дабы лишний раз не проверять на прочность, нервы непрошеного гостя.

Меня не было минут пятнадцать, а Коля или Толя, тем временем, достиг предела, возможностей своего терпения.

Благо, хоть погода была на моей стороне. Ливень стоял беспроглядный. Окружённые серой, многотонной стеной воды, мы почти вслепую пытались найти автомобиль спецслужб, на котором за мной прибыл их молчаливый сотрудник.

У Толи или Коли с собой был раскладной зонт. Ну я бы под ним никак не поместился. «Сволочь немая! А ведь мог бы и предупредить. Теперь я весь до нитки промокну».

Сильно намочив салон своими промокшими вещами, мы наконец отправились в путь.

– Думаю спрашивать тебя куда мы направляемся особого смысла нет? – долго дожидаться ответа я не стал, и сразу добавил, – тогда будь добр, сверни через два квартала влево, захвачу себе водички, чтоб не пришлось пить из лужи.

Толя или Коля мгновенно отреагировал на мою просьбу. Вот только совсем не так, как я этого ожидал. Он небрежно швырнул в меня большой пластиковой бутылкой, словно тен-

нисным мячиком так, что мне едва удалось её поймать. А я ведь рассчитывал совершенно не на родниковую воду. На углу, ровно через два квартала, находилась моя любимая пивная лавка, единственное место в городе, где подают приличный пшеничный лагер.

– Может притормозишь, там же? Я мигом выбегу за сигаретами? – не оставлял отчаянных попыток я. Пачка дорогих сигарет тут же ударила мне в лицо, не оставляя ни единого шанса моей притупленной реакции, – понял. Остановок делать не велено. Ну как захочешь поговорить, дай мне знать. Куплю тебе хомяка. Наверняка он обойдётся дешевле, чем разговорный словарь, – он обернулся на меня со взглядом, дающим сразу понять, что лимит моих шуток, уже давно исчерпан и я замолчал.

Мы ехали медленно и долго из – за тяжелых погодных условий. Кто – то назвал бы их плохими, но только не я. В этом состоянии, дождь для меня единственная отрада.

Через пол часа езды, у меня появилось ощущение, что мы заблудились. Я хотел было об этом спросить угрюмого водителя, слегка съязвив, но решил оставить его в покое, как только вспомнил про ещё одну свою отраду. Но во внутреннем кармане, где я хранил обычно свой запас разноцветных безделушек, ни одной не оказалось. Вчерашние похождения оказались совершенно загадочными.

– Извини все же за наглость, но не найдётся ли у тебя одной небольшой канцелярской резинки? – Толя или Коля продолжал внимательно вести машину, игнорируя или не понимая моего вопроса, – ну или резинки для денег, как её ещё называют в некоторых кругах, – попытался все же я, сопоставив его уровень интеллекта, с мышлением того тюремного управляющего, что мне об этом поведал, – что совсем ничего? Так может все же притормозишь? – не ведая зачем, выпрашивал я. Ведь было и так очевидно, что остановок он делать не собирался совсем.

Остаток пути я провёл в размышлениях о пуленепробиваемости мокрых стекол в этом служебном автомобиле, и о том, так ли это на самом деле? Слава богу, выяснить этого, мне шанса так и не представилось.

– Что это? Секретный государственный объект? – высказался я, как только мы остановились у небольшого белого здания, будучи совершенно неудовлетворенным, своим нынешним состоянием.

Едва поспевая за огромной фигурой впереди меня, неуклюже прятаясь под зонтом, укрывшись лишь мокрым воротником своей курточки, я пытался не отставать от него ни на шаг.

Когда мы очутились внутри здания, вода стекала с меня на скользкий мрамор огромными ручьями, оставляя позади небольшую речушку, способную поглотить в себе целую стаю мелких аквариумных рыбок. Я покорно шёл за Колей или Толей, волоча за собой полные воды ботинки как кандалы.

Он остановился у одной из множества дверей, как раз тогда, когда я уже собирался снять свою обувь и постучал.

Дверь распахнула средних лет женщина, одетая в длинное строгое платье, зеленого цвета. Она посмотрела на меня как на бездомного, с жалостью и сочувствием. От этого мне стало не по себе. Немного неловко выглядеть подобным образом, в глазах противоположного пола.

– Прошу. Входите, – вежливо пригласила она.

В помещении было довольно уютно. Немного зелени, в виде двух больших не колючих кактусов и одно высокое дерево на полу у окна. Света было немного, но вполне достаточно для комфортного зрения, вертикальные жалюзи были слегка приоткрыты. У стены возвышалась большая полка с множеством книг, а два кожаных кресла прямо посередине, отчетливо давали понять, куда я попал.

Дверь за мной закрылась и безмолвный Толя или Коля остался ждать снаружи.

Она терпеливо выжидала момент, поправляя распущенные каштановые волосы, пока я осматривался, давая время освоиться и привыкнуть к деталям. Типичный мозгоправ. Хотя, разве они бывают нетипичными?

– Так вы значит психиатр? – попробовал убедиться я, в своих догадках.

– Психолог, – тактично поправила она.

– Не когда не понимал разницы. Нет я знаю в чем она. Но, так или иначе, оба копаются в мозгах и чужом сознании. Поэтому для меня, это всегда будет одним и тем же. Без обид.

– Конечно же, – она выбрала путь наименьшего сопротивления.

– А почему же к слову, все таки психолог? Я думал психами вроде меня, каким догадываюсь вам уже успели обрисовать мою падшую особу, нужен именно врач психиатр. И клинический надзор.

– Мне лишь поручено произвести анализ, и воссоздать ваш психологический портрет, – её голос был как успокоительное, доставшееся без рецепта.

Собираясь присесть на одно из кресел, я немного растерялся, глядя то на промокшего себя, то на его дорогую натуральную обивку. На столе, точно посередине, лежала упаковка тонких сухих салфеток. Она кивком дала мне понять, что я волен воспользоваться ими в полной мере. Чтоб хоть немного обсохнуть, мне пришлось использовать всю пачку, которую я виновато протянул доктору, опустошённой.

Запах её духов удивительно раскрепощал, и располагал к откровенному разговору, подобно мифической сыворотке правды. Она дождалась, пока я наконец усядусь, и только потом заняла противоположное место.

Её большие карие глаза, смотрели слишком спокойно. Почему она совсем не боится? Или ей не поведали о моих злодеяниях, или она настоящий профессионал.

– Что же вы знаете о содеянном мной? – любопытствовал я.

– Думаю достаточно. Мне всегда предоставляют только нужную информацию. Но гораздо важнее, что вы сами мне расскажете. Вы должны понимать, что я здесь совсем не для того, чтобы судить вас, – во время её речи, я почему то попытался распознать её возраст. Она явно была старше меня лет на десять, но выглядела весьма молодо и ухоженно.

На табличке, что висела на двери её кабинета, не было надписи с её именем, что характерно для таких мест. И она не представилась как полагается при первом визите пациента, хотя и обладала хорошими манерами и воспитанием.

– Наверное я не могу поинтересоваться как вас зовут?

– Почему же? Простите мне мое невежество, я не представилась. Немного растерялась из-за...

– Моего внешнего вида, – закончил я её фразу, – просто я подумал, что вы работаете на секретные службы, и поэтому вся личная информация, должно быть засекречена.

– Да что вы. Анна, – она протянула мне руку, что казалось немного излишним. Почувствовала себя виноватой? – а вот что касается фамилии, то тут вы совершенно правы. В силу специфики моей работы, она остаётся конфиденциальной.

Я немного замешкался, но все же ответил на её странный жест ответным рукопожатием трясущейся холодной руки.

– Тяжелый день, – ответил я на её немой вопрос, – вчера был очень тяжёлый день, – произнося это, я вдруг понял, что мне вообще стоит поменьше болтать, дабы не портить царящий здесь аромат доверия, переработанными спиртосодержащими продуктами, может у вас завалюсь, гденибудь холодное пиво, – тут же передумал не портить воздух, из соображений о благоуханиям собственного тела, – или хотя бы несколько таблеток болеутоляющего,

– Пива к сожалению нет. Могу предложить коньяк или виски. Разумеется таблетку.

– Тогда давайте виски и таблетку.

– Могу ли я попытаться отговорить вас от подобного сочетания.

– Можете. Но не стоит.

Она молча нагнулась к столу, и достала бутылку канадского виски. Таблетку она положила прямо в стакан, который появился передо мной вслед за бутылкой.

– Возможно вы осудите мое гостеприимство, но не стану предлагать вам налить, зная специфику вашей работы.

– Не стоит, – тут же успокоил я, – вы всех своих пациентов угощаете напитками по двести долларов за бутылку, – я наполнил стакан наполовину, не вынимая таблетки.

– Не знала его стоимость. Эта бутылка мне без надобности – подарок одного пациента, который наверняка хотел угодить, но не подозревал, что я предпочитаю вино, и не пью крепкий алкоголь.

Она удивленно смотрела, как я поглощал содержимое стакана не отрывая от него засохших губ.

– Можно попросить ещё немного воды? – даже не скривившись, протянул ей пустой стакан, смакуя приятное послевкусие канадского клена.

Я принохивался к себе, пока она пыталась утолить мою жажду, обдумывая, как бы снять мокрую курточку, без которой запах от меня будет исходить намного сильнее. Ведь её стройная фигура, привлекала меня все больше, хоть я и понимал, что переспать с ней у меня шансов столько же, сколько у однорукого дартсиста переплыть Тихий океан, с привязанной к ноге гирей. Хотя нет. Даже меньше чем у этого отчаянного бедняги. Ну по крайней мере сегодня уж точно.

– Ну что, я предлагаю перейти к анализу, – вдоволь напившись, я все же расстегнул молнию куртки, незаметно напихав в подмышки сухих салфеток, из новой пачки, которую она принесла вместе с водой.

– Расскажите мне по порядку все события, начиная с той ночи, и заканчивая сегодняшним утром, когда вы переступили порог моего кабинета.

– Надеюсь вы последний человек, которому мне придётся это рассказывать, – произнёс я, и прежде чем начать, – не найдётся ли у вас обычной канцелярской резинки?

– Думаю найдётся, – слегка растерянно ответил доктор, – цвет для вас имеет значение? – уточнила она погрузившись в выдвижной ящик стола.

– Никакого, – я вдруг предположил, что в нем ещё может храниться, и наткнулся на мысль о огнестрельном оружии. Что было вполне вероятно. Ведь работая с опасными преступниками, она должна обладать некими средствами самозащиты. Нельзя же было полагаться лишь на молниеносную реакцию тренированного амбала за дверью.

Анна неуверенно подошла ко мне. Видимо её очень заинтересовала моя необычная просьба. Наконец, довольно редкого чёрного цвета резинка, оказалась в моих мокрых руках, и я приступил.

Мой волнующий рассказ, сопровождался регулярно принимаемыми порциями выпивки из далёкой Канады и потрескиванием тонкой резины о влажную кожу. Так внимательно и вдумчиво, меня ещё никто никогда не слушал за всю мою жизнь. Во время моего длинного монолога, мне казалось она единственная, кто верит мне. Верит каждому моему слову. Но иллюзии чаще всего оказываются лишь иллюзиями. И ничем больше. Я знал об этом и раньше, а сейчас лишь сильнее в этом уверился. Больше не осталось никого, кому бы я мог доверять. И я засушил эту сентиментальную натуру, нуждающуюся в чужой поддержке и чьём то доверии, куда глубже. Так глубоко, где её уже не сможет достать ни одна живая душа.

– Находясь в тюремной камере, вы уверены, что видели того же самого старика? – наконец спросила психолог.

– Думаете, там был кто-то другой? Нет. Я уверен. Да и потом, какая разница? Ведь ваши службы утверждают что там вовсе никого не было кроме меня самого.

– Нет. Это я к тому, что вам это могло присниться.

– За идиота меня принимаете? Думаете я сон от реальности отличить не способен, – немного разозлился я.

– Я не это имела ввиду. Но только знайте, что в стрессовых ситуациях подобный синдром вполне возможен. И даже научно объясним.

– Я знаю что видел. И я не спал. Я видел его как вас сейчас вижу.

– Что ж. Не смею утверждать обратное. Вам виднее что вы там видели. Тогда давайте вернёмся немного назад.

– Что было до этого я уже вам подробно рассказал. Не заставляйте меня делать это снова. Тем более добавить мне нечего. А копаться в этой части своего прошлого для меня не так уж просто, как вам бы того хотелось. Это было настоящим живым кошмаром. Знаете, у вас когда –нибудь бывало ощущение что вам настолько страшно, что наверняка все происходящее вокруг вас – это лишь ужасный сон, и вам просто необходимо проснуться?

– Простите, но я уж не припомню подобного. Но вполне возможно. Вот только вы меня не правильно поняли. Я не заставляю вас вновь возвращаться к тем событиям, о которых вы хотите забыть. Я хочу вернуться с вами намного раньше, и больше узнать вас как личность.

– Насколько раньше? – с облегчением спрашивал я, сделав ещё несколько маленьких глотков.

– Ну например расскажите мне об этой резинке.

– Что именно? Ведь вы мне сами её отдали.

– Вы прекрасно меня поняли. Я наблюдаю за вашей рукой последние двадцать минут. Ваши пальцы не остановились не на секунду. Это же своеобразный механизм защиты.

– Ну просто здесь же наверняка не курят. А я давно без никотина. Вот и нервничаю немного. А это помогает мне отвлечься. Дурацкая привычка.

– Кто вам сказал, что здесь нельзя курить? Вы у меня даже не спрашивали, – упрямычал доктор.

– Я так решил, потому что нет запаха табачного дыма. Нет пепельницы на столе. Да и сигареты у меня не вовремя закончились.

– Благодарю за вашу вежливость и проницательность. Вот угощайтесь, – она протянула мне открытую пачку, и достала стеклянную пепельницу из под стола, – а пепельницу я прячу, дабы не соблазнять тех пациентов, которые пытаются избавиться от никотиновой зависимости.

– Правда? Я могу курить прямо здесь? А вы? Я не хочу доставлять вам дискомфорт, заставляя дышать этой дрянью.

– Обо мне не беспокойтесь. Я нормально переношу этот запах. Иногда обычная сигарета помогает мне добиться истины. Ведь вы должны быть максимально расслаблены. К тому же, порой я и сама могу побаловать себя подобным образом.

– Уверенны? – все ещё не решался закурить я, уже держа сигарету в зубах.

– Абсолютно.

В этот момент, я бываю особенно уязвим к окружающему миру. В такой момент меня легко прикончить или чего ещё похуже. Она добилась своего. Я полностью расслаблен. Я называю это мимолетным никотиновым забвением. В сочетании с похмельем, это совсем пагубная процедура. Мои пальцы замедляются, а резинка становится намного прочнее.

– Так что? Вернёмся к нашему разговору?

– Напомните на чем мы остановились?

– На ваших привычках, как вы сами выразились. А точнее на одной из них.

– Ах да, это, – я смотрел на свою руку, опутанную тонкой резиновой нитью будто некой живой сущностью. Она глубоко врезалась в плоть, перекрывая кровеносный поток и пытаясь проникнуть под самую кожу. Становилось все больше. Кончики пальцев становились бледно – синими. Пришлось немного ослабить. И вот она уже не столь агрессивна.

– Да, я именно об этом, – настаивала она.

– Это от моей матери. Вернее все что от неё осталось. Она делала из них картины. Прежде чем ушла, исчезнув навсегда. Я нашёл огромную коробку разноцветных резинок. По одной в день. Я брал из неё по одной в день, считая каждую в ожидании её возвращения. Одна тысяча девятьсот семь. И ещё десяток порванных. Столько я насчитал.

– Вы ждали свою мать пять с лишним лет?

– Быстро считаете. У меня на это ушло намного больше времени. Резинка за резинкой. Одна за другой. И так каждый день. А она так и не появилась.

– И что же дальше? – я видел как на её лице появляется не профессиональное сочувствие, которого иногда терпеть не мог в других. Но не сейчас. Анна неплохо умеет расположить к себе.

– Дальше я отправился на её поиски. Сбежал из дому. И искал где только мог. Но все безуспешно. Оказывается не так просто найти родного человека в большом городе, когда тебе всего тринадцать. Тем более если этот человек не хочет чтоб его нашли. Меня поймали полицейские и отвезли обратно домой. К бабушке.

– Вас вырастила бабушка?

– Вырастила и воспитала.

– Вам известно почему ушла ваша мама?

– Потому что её тоже бросили. Так же как и меня. Отец ушёл от нас годом ранее к другой женщине. Она очень любила его, и не могла забыть. Не могла отпустить. Отправилась на его поиски.

– Но а как же вы? Какие чувства она испытывала к вам?

– Надеюсь материнские. Поэтому и искал её. Хотел это выяснить. Хотя по словам бабушки, она очень меня любила.

– А сейчас? Вам известно что с ней сейчас?

– Нет. Уже наверное все равно.

– А отец? Вы пытались найти его?

– Только когда искал её. Но он изменил фамилию и уехал в другой город.

– И дальше вы остались с бабушкой?

– До тех пор пока она не умерла.

– Кем она была для вас?

– Бабушка? Да всеми. Она очень старалась. Только это ведь все равно не мать. Но я любил её и очень уважал. Она заботилась обо мне.

Мне становилось все легче выплескивать на неё весь свой жизненный негатив. Возможно тому причиной был её высокий профессионализм, а возможно канадские мастера купажу были не худшими психологами нежели она.

– Кажется я начинаю понимать, – с большой долей соболезнования произнесла доктор.

– Что же? Может вам открылась та самая истина, из-за которой я перестал доверять всему окружающему миру. Или может вы увидели как нелегко мне приходилось в детдоме, где я отталкивал всех своих потенциальных друзей по той же самой причине. Сомневаюсь, что вы можете все это представить даже при наличии докторской степени, высшего образования и даже экстрасенсорных способностей.

– Вы правы. Абсолютно правы, – принялась оправдываться она, – но я говорила о другом.

– О чем же? Просветите меня наконец о моей жизни. Вы же знаете больше меня самого, – почему то я вдруг перешёл в наступление. Как психолог, она наверняка бы дала этому объяснение тем, что была затронута болезненная для меня тема, вследствие чего я проявил агрессию.

– Расскажите мне пожалуйста о тех случаях, когда вы забавлялись над своими коллегами, подсыпая им в напитки различного рода слабительное и тому подобное.

– А что здесь рассказывать. Я делал это только тем, кто этого заслуживал. Вредным официантам менеджерам. Несколько раз противным клиентам добавил по несколько глазных

капель. Все довольно безобидно и в меру, – теперь уже оправдываться пришлось мне, – вы же наверняка все знаете, иначе бы не спросили. Они же предоставили вам полное досье на меня, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.